

Санкт-Петербургский государственный университет

ПОПОВ Георгий Александрович

Выпускная квалификационная работа

***Венгерские военнопленные Первой мировой войны в Петроградской губернии в
1914 — 1921 годах***

Уровень образования: *Бакалавриат*

Направление: *46.03.01 «История»*

Основная образовательная программа: *СВ.5030 «История»*

Научный руководитель:
доцент каф. Новейшей истории
России СПбГУ,
к.и.н., доцент
Ратьковский Илья Сергеевич

Рецензент:
ст. научный сотрудник
Центр изучения эпохи Просвещения
«Библиотека Вольтера»,
Федеральное государственное
бюджетное учреждение
«Российская национальная
библиотека», к.и.н.
Мажара Петр Юрьевич

Санкт-Петербург
2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОЕННОГО ПЛЕНА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ.....	9
1.1. Историография проблемы военного плена Первой мировой войны в России.....	9
1.2. Историография деятельности национальных секций агитации и пропаганды РКП(б)	14
ГЛАВА 2. ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕТРОГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914 — 1921 гг.	17
2.1. Количество и национальный состав военнопленных на территории Петроградской губернии	17
2.2. Условия содержания военнопленных	24
2.3. Надзор за военнопленными, побеги и диверсии	32
2.4. Трудовое использование военнопленных	40
2.5. Отношения военнопленных с местным населением	45
2.6. Отношение военнопленных с властями и благотворительными организациями	48
2.7. Эвакуация военнопленных Первой мировой войны в Петроградской губернии	51
ГЛАВА 3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ СЕКЦИЙ АГИТАЦИИ И ПРОПАГАНДЫ ПРИ ПЕТРОГРАДСКОМ ГУБКОМЕ РКП(б)	56
3.1. Создание, состав и структура Венгерской секции агитации и пропаганды при Петроградском Губкоме РКП(б)	57
3.2. Деятельность Венгерской секции агитации и пропаганды при Петроградском Губкоме РКП(б)	64
3.3. Деятельность организаций, контролируемых Венгерским отделом агитации и пропаганды при Петроградском Губкоме РКП(б)	72
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	79

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ..... 83

Введение

Проблемы, связанные с историей организации военного плена и вопросов, связанных с этим, не теряют своей *актуальности* по нескольким причинам. Во-первых, войны и сопутствующее им пленение вражеских военнослужащих не прекращается. Во-вторых, и в наше время происходит масштабное, не редко вынужденное, перемещение населения. В связи с этим, изучение опыта содержания больших масс людей, работы с ними и их последующей судьбы позволяет более адекватно реагировать на вызовы современного мира. С другой стороны, изучение военного плена в годы Первой мировой войны, имеет значение как акт коммеморации. Для потомков тех людей, кто сражался на этой войне, может представлять определенный интерес прошлое их предков, в том числе прошедших военный плен.

На фоне событий Второй мировой войны нередко забываются события Первой мировой войны. Тем не менее, они, будучи сильно связаны, обнаруживают много общего. В частности, именно в годы Первой мировой войны были выработаны те методы содержания, использования и работы с огромными массами военнопленных, которые далее развивались во Второй мировой войне, а ранее в Гражданской войне. В последнем конфликте, особенно на начальном этапе, сыграли важную роль бывшие военнопленные. Например, выступление Чехословацкого корпуса весной 1918 г. стало катализатором масштабных боевых действий в азиатской части России, что нередко трактуется как начало Гражданской войны. С другой стороны, значительна роль в гражданской войне бывших венгерских военнопленных, выступивших на стороне большевиков и сражавшихся зачастую на тех же азиатских территориях, что и чехословацкие легионеры. С этой точки зрения, изучение жизни и судьбы вражеских военнопленных является необходимым для лучшего понимания отечественной истории. Данные положения определяют *теоретическую значимость* работы.

Непосредственное отношение к вопросу военного плена имеет вопрос

деятельности национальных секций агитации и пропаганды РКП(б), которые создавались по всей России с 1918 г. Их основной деятельностью была агитация и пропаганда среди бывших военнопленных, в том числе среди тех, которые отправлялись на родину. Создание национальных секций в Петрограде было важно, поскольку Петроград был транзитным пунктом, через который бывшие военнопленные возвращались на родину. Венгерская секция играла немаловажную роль в силу большого числа венгров среди военнопленных и важности коммунистической агитации среди них для участия в борьбе за мировую революцию на их родине.

Практическая значимость работы определяется тем, что она может быть использована в качестве материала для проведения обобщающих исследований в отношении российского военного плена Первой мировой войны.

ВКР посвящена пребыванию венгров в Петроградской губернии в 1914 – 1921 гг. в качестве военнопленных и после их освобождения. Региональный характер работы обусловлен малоизученностью вопроса пребывания военнопленных, в том числе венгерской национальности, в Петроградской губернии в период Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Выбранные хронологические рамки обусловлены целью рассмотреть положение венгров в Петроградской губернии с начала Первой мировой войны до окончания их массовой репатриации на родину, что совпадает с прекращением деятельности венгерской секции агитации и пропаганды при Петроградском Губкоме РКП(б). В рамках работы рассматриваются два взаимосвязанных вопроса: организация военного плена, с выделением военнопленных венгерского происхождения, на территории Петроградской губернии в 1914 – 1921 гг. и деятельность венгерской секции агитации и пропаганды при Петроградском Губкоме РКП(б), связанная с положением венгерских военнопленных, проживающих в Петроградской губернии или находящихся временно в процессе репатриации. Оба вопроса объединяются региональным и национальным характером, что дает более полную картину пребывания сначала военнопленных, потом бывших военнопленных венгров (как

возвращающихся на родину, так и остающихся в Советской России) на территории Петроградской губернии с начала Первой мировой войны до конца их массовой репатриации на родину.

Научная новизна исследования заключается в анализе малоизученных документов архивов Санкт-Петербурга, относящихся к теме военного плена Первой мировой войны на территории Петроградской губернии, а также к деятельности Венгерской секции агитации и пропаганды, связанной с положением венгерских военнопленных, проживающих или временно находящихся на территории Петроградской губернии в 1914 — 1921 гг.

Целью работы является анализ разных аспектов военного плена на территории Петроградской губернии, с выделением военнопленных венгерского происхождения, в 1914 – 1921 гг, а также деятельности Венгерской секции при Петроградском Губкоме РКП(б), связанной с положением венгерских военнопленных в Петроградской губернии. Анализ проводится на материале документов архивов Санкт-Петербурга с привлечением источников личного происхождения (мемуаров) и научных работ по данной теме.

Объектом работы является военный плен и деятельность бывших военнопленных Первой мировой войны на территории Петроградской губернии в 1914 – 1921 гг.

Предметом работы являются различные аспекты военного плена и виды деятельности представителей венгерской национальности на территории Петроградской губернии в 1914 — 1921 гг., что отражается в деятельности Венгерской секции при Петроградском Губкоме РКП(б).

Цель и предмет работы обусловили решение следующих *задач*:

1. Анализ работ, посвященных военному плену Первой мировой войны, проведенных в рамках разных регионов и в целом для России с выделением его аспектов;

2. Анализ работ, посвященных деятельности национальных секций в разных регионах послереволюционной России, с выделением Венгерских секций;

3. Анализ документов Центрального Государственного Архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб¹), Центрального Государственного Исторического Архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб²) и Центрального Государственного Архива Историко-Политических Документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб³) в отношении разных аспектов военного плена на территории Петроградской губернии и деятельности представителей венгерской национальности в рамках Венгерской секции агитации и пропаганды при Петроградском Губкоме РКП(б) в 1914 – 1921 гг., а также источников личного происхождения;

4. Анализ региональной и национальной специфики военного плена на территории Петроградской губернии и деятельности Венгерской секции при Петроградском Губкоме РКП(б) в 1914 — 1917 гг.

Материалом для написания работы послужили документы следующих архивов Санкт-Петербурга: ЦГА СПб, ЦГИА СПб, ЦГА ИПД СПб; источники личного происхождения; а также исследования по заявленной теме с учетом региональной и национальной составляющих. В работе было использовано 59 архивных документов — 40 относящихся к архиву ЦГИА СПб (Ф. 253, Ф. 254, Ф. 378, Ф. 569, Ф. 866, Ф. 921, Ф. 1205, Ф. 1280, Ф. 1374, Ф.1464, Ф. 1483, Ф. 1697, Ф. 2214), 15 относящихся к ЦГА ИПД СПб (Ф. 16, Ф. 1810, Ф. 4000) и 4 относящихся к ЦГА СПб (Ф. Р-5846, Ф. Р-8921, Ф. Р-8922). Также в работе использованы документы, относящиеся к деятельности Венгерской секции агитации и пропаганды при Петроградском Губкоме РКП(б), из опубликованных сборников документов.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы. *Первая глава* рассматривает историографию вопроса и состоит из двух параграфов. В первом параграфе приводится краткая историография проблемы военного плена Первой мировой войны в России в 1914 — 1921 гг. Во втором параграфе приводится краткая историография деятельности

---

¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

³ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

национальных секций агитации и пропаганды РКП(б) в разных регионах Советской России. *Вторая глава* посвящена анализу аспектов военного плена на территории Петроградской губернии в 1914 — 1921 гг. с выделением истории военного плена солдат и офицеров австро-венгерской армии. *Третья глава* посвящена деятельности национальных венгерских организаций Петрограда в 1920 — 1921 гг. с выделением их деятельности, относящейся к взаимодействию с военнопленными венграми. В *заключении* делаются выводы о региональной и национальной специфике военного плена на территории Петроградской губернии в 1914 — 1921 гг. и деятельности Венгерской секции агитации и пропаганды при Петроградском Губкоме РКП(б), непосредственно связанной с венгерскими военнопленными, часть которых вошла в ее состав.

Глава 1. Историография военного плена в Первой мировой войне на территории Петроградской губернии

1.1. Историография проблемы военного плена Первой мировой войны в России

Тема иностранных военнопленных Первой мировой войны в России рассматривается как в отечественной, так и в зарубежной историографии. В отечественной историографии эта тема представляет собой ту область, в которой до сих пор существует много белых пятен. Отечественная историография данного вопроса, в зависимости от нескольких факторов (в частности, затрагиваемых тем, использующегося материала, идеологизации), можно разделить на историографию советского периода и постсоветскую историографию⁴. В эти периоды затрагиваются определенные аспекты рассматриваемого вопроса и придерживаются по ним определенной точки зрения. Различается также оценка анализируемого материала.

Вопрос об иностранных военнопленных в России в период Первой мировой войны попал в поле зрения отечественных историков еще до полного завершения репатриации военнопленных⁵. В 1930–40 гг. этот вопрос рассматривался мало. Больше внимания этому вопросу стали уделять уже в 1950-е гг., когда появилась возможность проводить исследования по новым направлениям и расширить ее источниковую базу.

Тема военного плена Первой мировой войны в советской историографии оказалась вписана в разнообразные исследования, среди которых есть исследования экономической истории, исследования «пролетариатизации» города

⁴ Суржикова Н. В. Военный плен в Российской провинции (1914–1922 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2015. С. 30.

⁵ Жданов Н. М. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. – Москва, 1920 (Н.М. Жданов - очевидец событий, председатель Московского отделения Российского общества Красного Креста, член Центральной коллегии по делам пленных и беженцев).

и деревни, истории Чехословацкого корпуса, истории интернационального движения военнопленных⁶. Тема военного плена рассматривалась в основном в отношении бывших военнопленных воинов-интернационалистов⁷. Появляются также работы, посвященные деятельности иностранных военнопленных в составе иностранных групп при ЦК РКП⁸.

В советской историографии рассматривались также вопрос о деятельности советских эвакуационных органов — Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбеж)⁹, вопрос о революционной пропаганде среди военнопленных и создания красноармейских отрядов интернационалистов-военнопленных¹⁰. Продолжением этого направления в историографии вопроса является диссертация 1991 г. М. В. Веселовой¹¹, в которой автор анализирует деятельность Центропленбежа по пропаганде и агитации среди военнопленных и беженцев.

Историографию советского периода, как отмечает Н. В. Суржикова, характеризует перекос в сторону приоритета теории и политико-идеологическая окрашенность. Однако в целом советская историография заложила основы для дальнейшего изучения вопроса военного плена Первой мировой войны, в работах этого периода приводятся важные данные, которые историки используют и в настоящее время.

Постсоветскую историографию вопроса военного плена Первой мировой войны можно охарактеризовать с нескольких точек зрения. Во-первых, эта тема приобрела самостоятельность. Во-вторых, историография этого вопроса стала охватывать более широкий спектр аспектов. Этому способствовало в немалой

⁶ Суржикова Н. В. Военный плен в Российской провинции (1914 — 1922 гг.): автореф. дисс. ... докт. ист. наук. С. 32-41.

⁷ Ананьев В. И. Положение иностранных военнопленных и их участие в революционном движении в России // Некоторые вопросы всеобщей истории. Челябинск, 1965. Вып. 1. С. 85-104; Ананьев В. И. Зарубежные интернационалисты в органах и войсках ВЧК // Блокнот агитатора. 1987. № 2. С. 12-14; Данилов В. А. Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972.

⁸ Ананьев В. И. Иностранные советы рабочих и крестьян в Советской России (1918 — 1921 гг.) // Новая и Новейшая история. 1967. № 5. С. 82-90.

⁹ Нечаева Э. П. Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию вражеских военнопленных Центральных держав в 1918 — 1920 гг. Куйбышев, 1982.

¹⁰ Мулюков М. А. Мулланур Вахитов. Жизнь и деятельность пламенного революционера-ленинца. Казань, 1985.

¹¹ Веселов М. В. Военно-политическая деятельность И.С. Уншлихта (1918 — 1930 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1991.

степени доступность архивных фондов, касающихся вопроса военнопленных, а также открытость границ и обмен опытом с зарубежными коллегами. Наибольший интерес к данной теме характеризует «юбилейные» 2014 – 2015 гг. В этот период рассматриваются различные аспекты военного плена в России в период Первой мировой войны, вводятся в научный оборот новые источники, как архивные, так и источники личного происхождения — мемуары, письма, записки — и материалы средств массовой информации рассматриваемого периода. Важным направлением стали региональные исследования этого вопроса. Большое количество современных исследований военного плена Первой мировой войны сопряжены с исследованиям других вопросов, в частности, с историей миграций, мобилизации тыла, с историей развития разных органов и служб (например, органов местного самоуправления), с исследованием раннего советского управления (например, Центропленбежем, потом Центроэваком), с историей российской благотворительности¹².

Современные работы затрагивают разные аспекты плена – численность военнопленных, места их проживания, условия содержания, надзор за ними, отношения с местным населением, деятельность благотворительных организаций, репатриация (в том числе деятельность Центропленбежа)¹³, взгляд на плен со стороны участников – военнопленных, членов благотворительных организаций и др. аспекты. Продолжает отражаться в современных исследованиях тема военнопленных-интернационалистов, но, по сравнению с советской историографией, отражается не только участие их на стороне Советской власти, но и на стороне антибольшевистских сил.

К новым вопросам, которые стали подниматься в постсоветский период, относятся вопросы о правовом положении иностранных военнопленных Первой мировой войны в России, условиях их труда и повседневной жизни в плену¹⁴,

¹² Суржикова Н. В. Военный плен в Российской провинции (1914 — 1922 гг.): автореф. дисс. ... докт. ист. наук. С. 50-56.

¹³ Щеров И. П. Организация и деятельность коллегий по делам пленных и беженцев в Смоленском крае (1914 — 1921 гг.): автореф. дис. канд. ... ист. наук. Москва, 1998; Щеров И. П. Военная миграция в России 1914 — 1922: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Москва, 2001.

¹⁴ Васильева С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1998; Васильева С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в

политике российских властей в отношении военнопленных-славян, вступление военнопленных в национальные воинские части¹⁵, взаимоотношениям (межличностным, гендерным, социокультурным, этноконфессиональным) между военнопленными и провинциальным обществом¹⁶, деятельности русской контрразведки по контролю за военнопленными¹⁷. На более обширном материале рассматривается история Чехословацкого корпуса¹⁸, формирование национальных воинских подразделений в отдельных регионах¹⁹. Еще одним новым аспектом военного плена Первой мировой войны, который затрагивают современные исследователи, является анализ социально-психологического аспекта военного плена²⁰.

В последние 17 лет появилось много работ, в которых описание положения военнопленных (в целом или отдельных национальных групп) носит региональный характер. Исследования по разным регионам России проводятся на материале региональных архивов, периодической печати и других источников. Рассматриваются не только целые регионы, исследователи сосредотачивают внимание на отдельных губерниях, краях и даже городах. Рассмотрены вопросы военного плена в центральноевропейской части России²¹ и в ее отдельных частях²².

годы Первой мировой войны: учебное пособие к спецкурсу. Москва, 1999.

- ¹⁵ Солнцева С. А. Военный плен в годы первой мировой войны (новые факты) // Вопросы Истории. 2000. № 4-5; Солнцева С. А. Военнопленные в России в 1917 г. (март-октябрь) // Вопросы Истории. 2002. № 1.
- ¹⁶ Кондратьев А. В. Военнопленные и провинциальное общество Российской империи в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. С. 354-357.
- ¹⁷ Канаев И. Н. Русская контрразведка и военнопленные в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 12. С. 349-353.
- ¹⁸ Цветков В.Ж. Мятаж. Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны // Родина. 2001. № 6. С. 55-61; Гергилева А. И. «Многие миллионы людей были вырваны войной из привычной для них обстановки». Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой Войны на территории России // ВИЖ. 2013. №2. С. 54-60.
- ¹⁹ Нигматов В. В. Жизнь военнопленных в годы Первой мировой войны на территории Воронежской губернии // Воронежский вестник архивиста: Национально-информационный бюллетень, Вып. 2. Воронеж, 2004. С. 100-108.
- ²⁰ Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. Москва, 1997.
- ²¹ Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России 1914–1925 гг. Москва: АИРО-XXI, 2014.
- ²² Соза Л. Н. Военнопленные австро-венгерской и германской армий на территории Бронницкого уезда Московской губернии (1916 — 1917 гг.) // Манускрипт. 2017. Ч. 2, № 3. С. 166-171; Тихонов А. В. Условия содержания иностранных военнопленных в годы Первой мировой войны на примере Калужской и Тульской губерний // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 2. С. 60-69; Нигматов В. В. Жизнь военнопленных в годы Первой мировой войны на территории Воронежской губернии. С. 100-108; Захаров А.В. Военнопленные Первой мировой войны в сельском хозяйстве Поволжья // Власть. 2014. С. 169-173; Рокина Г. В. Австро-венгерские пленные Первой мировой войны в уездных городах Казанской губернии // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2017. Т. 3, № 1. С. 12-20; Тимофеева Е. Г. Иностранные военнопленные на территории Астраханской губернии в годы Первой мировой

Широко и с привлечением богатых архивных материалов рассматривается тема военного плена в Сибири и в отдельных ее частях²³. На богатом архивном материале рассматривается вопрос военного плена на Дальнем Востоке²⁴. С привлечением богатого архивного материала и документов личного происхождения рассматриваются различные аспекты уральского плена или отдельных его регионов²⁵. Отдельно современные историки рассматривают условия жизни военнопленных в лагерях²⁶.

Вопрос русского плена рассматривается также иностранными исследователями. Исследования западных историков активизировались в 90-е гг. Они охватывают либо Россию в целом²⁷, либо отдельные регионы²⁸, а также отдельные национальные и конфессиональные группы военнопленных²⁹.

В отечественной историографии и, насколько нам известно, в зарубежной историографии отсутствуют работы по вопросу проживания военнопленных Первой мировой войны в Петроградской губернии.

войны и российской революции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 2, № 6. С. 110-121; Лямзаев С. В. Участие военнопленных Германии и Австро-Венгрии в модернизации речной инфраструктуры Нижнего Дона (1914-1918 годы) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2011. № 4. С. 29-34; Самович А. Л. Содержание и трудовое использование военнопленных на территории Белоруссии в годы Первой и Второй мировых войн // Вестник военного университета. 2010. № 3. С. 96-101.

- ²³ Талапин А. Н. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири в период Первой мировой войны и репатриации // Вестник Омского университета. 2013. № 3 (69). С. 81-83; Ерёмин И. А. Военнопленные Первой мировой войны в Западной Сибири // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2007. Т. 310, № 1. С. 259-262; Талапин А. Н. Военнопленные Первой мировой войны в дореволюционном Кургане // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 20-22; Кунгурова М. Ю. Вклад военнопленных в культурное развитие г. Омска в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2015. № 2. С. 86-89.
- ²⁴ Иконникова Т. Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914 — 1918 гг.). Хабаровск, 2004.
- ²⁵ Суржикова Н. В. Военный плен в Российской провинции (1914-1922 гг.): дис. ... д-ра ист. наук.; Семенов В.Г. Военнопленные в Оренбургской губернии // Этнопанорама. 2001. №2. С. 70-71.
- ²⁶ Поликарпов В.В. Военнопленные в лагерях под Ижевском 1915–1916 гг. // Вопросы Истории. 2007. №2. С. 94-105.
- ²⁷ Ватлин А.Ю. Рецензия на книгу: Лейдингер Х., Мориц В. Плен, революция. Возвращение домой. Значение проблемы военнопленных для истории коммунизма в Центральной и Восточной Европе в 1917–19120 гг. Вена, 2003 // ОИ. 2005. №4. С. 183-184.
- ²⁸ Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 142-156; Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 гг.): военная необходимость и экономические соображения. Санкт-Петербург, 2011.
- ²⁹ Любин В.П. Рецензия на книгу: Росси М. Пленники царя: итальянские солдаты австро-венгерской армии в лагерях России (1914 — 1918 гг.) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. М., 1999. С. 127-131; Volgyes I. Hungarian prisoners of war in Russia, 1916 – 1919 // Cahiers du monde russe et sovietique. 1973. Vol. 14, № 1-2, Janvier-Juin. P. 54-85.

1.2. Историография вопроса деятельности национальных секций агитации и пропаганды РКП(б)

Историография темы национальных секций агитации и пропаганды РКП(б) является составной частью историографии Октябрьской революции и гражданской войны. История гражданской войны получила отражение в нескольких тысячах книг, брошюр, статей, документальных публикаций, воспоминаний. Первые попытки освещения участия иностранных граждан в борьбе за власть Советов относятся к 1918 — 1920 гг.³⁰.

Деятельность национальных секций РКП(б) рассматривалась в советской историографии как отдельно, так и в сборниках, посвященных деятельности интернационалистов в Советской России. С юбилеем 40-летия Октябрьской революции значительно возросло внимание к проблемам движения интернационалистов, деятельности граждан зарубежных стран в Советской России³¹, в том числе и в отношении венгерских интернационалистов³². К 40-летию Октябрьской революции был выпущен сборник документов, описывающих содружество трудящихся зарубежных стран с народами России в борьбе за Советскую власть³³.

К 50-летию Октябрьской революции также было выпущено ряд сборников, в том числе сборник документов, посвященных деятельности венгерских интернационалистов в борьбе за Советскую Россию³⁴.

В 60-80-е гг. появились крупные исследования, посвященные интернационалистской деятельности граждан отдельных национальностей, и

³⁰ Кун Б. Практический интернационализм // Октябрьский переворот и диктатура пролетариата. Москва, 1919. С. 314-324.

³¹ Медведев Б. Б. Октябрьская революция и иностранные интернационалисты в России // 40 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Москва, 1957.

³² Кладт А. П. Братья по оружию: Венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в России. Москва, 1960.

³³ Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917-1922). Документы и материалы. Сборник 1. Москва, 1957.

³⁴ Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР. Сборник документов. Т. 1. Москва, 1968; Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР. Участие венгерских интернационалистов в защите Советской власти на фронтах Гражданской войны в СССР. Сборник документов. Т. 2. Москва, 1968.

обобщающих трудов. Среди них были работы, посвященные венгерским интернационалистам³⁵.

К 70-летию Октябрьской революции было опубликовано фундаментальное исследование, посвященное участию трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России в 1917 - 1920 гг.³⁶.

Отдельно вопрос функционирования национальных групп/секций РКП(б) также рассматривался советскими исследователями, которые рассматривали этот вопрос с заданной коммунистической позиции³⁷. В современных исследованиях этот вопрос оказался либо вписанным в более широкие исследования³⁸, либо характеризуется национальной и/или территориальной спецификой. С территориальной точки зрения больше представлены регионы, в которых находилось много военнопленных – Дальний Восток, Урал, Сибирь. Тем не менее работ, в которых подробной, на материале архивных документов, рассматривается вопрос деятельности национальных секций, не очень много. Примерами подобных работ могут служить исследования национальных секций Дальневосточной республики³⁹, Тамбовской губернии⁴⁰.

Иностранные авторы также уделяли и продолжают уделять внимание вопросу деятельности иностранных интернационалистов и эмигрантов в послереволюционной России. Часть этих публикаций касается деятельности венгерских интернационалистов и венгерских эмигрантов в России. В 50-х гг. публикуются статьи Дьердя Милеи о некоторых вопросах идеологического развития движения венгерских коммунистов – бывших военнопленных в

³⁵ Колмогоров Н. Красные мадьяры (венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Омске 1917-1919 гг.). Новосибирск, 1970; Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917-1922 гг. К истории советско-венгерских интернациональных связей. Москва, 1980.

³⁶ Венгерские интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России, 1917-1920 гг. Т. 2. Москва, 1987.

³⁷ Шарапов, Я. Ш. Национальные секции РКП(б). Казань, 1967.

³⁸ Птицын, А. Н. Венгерские переселенцы в Российской империи // Славянский мир в третьем тысячелетии, 2013. №8-1. С.257-268; Смирнов Ю.И. Граждане зарубежных стран в Советской России и их деятельность в 1918-1920 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Москва, 1999.

³⁹ Алекминская, Г. М. О работе национальных секций Забайкальского губернского комитета РКП(б) в 1920 – 1922 гг. // Молодой ученый. 2016. №16 (96). С. 346-348.

⁴⁰ Вавилова, С. В. Национальные секции РКП(б) в Тамбовской губернии в 1918 – 1921 гг.: [сайт]. URL: <https://gaspito.ru/index.php/materials/publications/articles/1002-national-sections?ysclid=lh9o5ikkcm1638510> (дата обращения: 23.03.2023)

Советской России, Антала Йожи и Ене Дьеркеи об участии венгерских интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне⁴¹.

В 60-е и последующие годы публикуются совместные коллективные издания, подготовленные советскими учеными и исследователями европейских социалистических стран. В 1974 г. Военно-исторический Институт Венгерской Народной Армии выразил намерение открыть в венгерском научном журнале «Военно-исторический вестник» раздел, «в котором будут регулярно публиковаться обзоры документов по истории борьбы венгерских интернационалистов – бывших австро-венгерских военнопленных в России, в защиту Советской республики в 1917 – 1920 гг.» в содружестве с партийными и государственными архивами, а также историко-краеведческими музеями СССР⁴². Кроме этого, выходят и отдельные совместные труды ученых СССР и Венгрии, например по истории движения венгерских интернационалистов в борьбе за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке⁴³.

Среди современных венгерских исследователей проблемы венгерских эмигрантов и деятельности венгерских коммунистов в постреволюционной России можно отметить Б. Й. Желицки⁴⁴.

Вопрос, посвященный деятельности венгерской секции агитации и пропаганды при Петроградском Губкоме ВКП(б), в доступной нам литературе до сих пор не рассматривался.

⁴¹ Milei Gy. A szovjet ozosorsragi magyar Kommimista hadifogoli mozgalom eszmei arculatanak nehany kerdese // Parttorteneti Kolemnyek. 1956. № 3; Deutsche R. Din lupto pentru apararea revolutiei ruse (1917) // Analele Institutului de istorie a partidului de pe Jnga CC al PMR. 1956. № 6.

⁴² ЦГА ИПД СПб Ф. 4000. Оп. 19. Д. 324. Л. 5.

⁴³ Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917-1922 гг : К истории советско-венгерских интернациональных связей. Москва, 1980.

⁴⁴ Желицки, Б. Й. Венгерские эмиграционные волны и эмигранты: середина XIX — конец 50-х годов XX века. Москва, 2012; Желицки, Б. Й. Исторические портреты. Бела Кун // Вопросы истории. 1989. №1. С. 58-81.

Глава 2. Военнопленные на территории Петроградской губернии в 1914 — 1921 гг.

Как было сказано выше, работа посвящена пребыванию венгров на территории Петроградской губернии в 1914 – 1921 гг., в качестве военнопленных и после освобождения. Следует сказать, как будет показано ниже, численность военнопленных венгров в Петроградской губернии была невысока. Часто их не выделяли как отдельную категорию и зачисляли в категорию «прочие». Поэтому данная глава в основном рассматривает пребывание военнопленных в Петроградской губернии в указанный период времени в целом, потому что в силу небольшого количества венгров в Петроградской губернии их военный плен мало отличался от военного плена славян, которых было подавляющее большинство в губернии. В то же время, на материале документов архивов Санкт-Петербурга удалось выявить некоторые особенности пребывания военнопленных венгров на территории Петроградской губернии в 1914 – 1921 гг. полезной в этом отношении оказалась информация, полученная из материалов о деятельности Венгерской секции при Петроградском Губкоме РКП(б), который функционировал в 1920 – 1921 гг.

2.1. Количество и национальный состав военнопленных

Как отмечают большинство исследователей военного плена Первой мировой войны в России, подсчет количества и состава военнопленных затрудняется отсутствием надежной статистики. Их учетом занимались гражданские и военные органы России, военные и гражданские органы Центральных держав, Центральный комитет военнопленных Российского общества Красного Креста. После Октябрьской революции 1917 г. статистике военнопленных уделяли еще меньше внимания. Имеются относительно удовлетворительные сведения о

репатрируемых военнопленных. Однако сведения о находящихся в разных частях России военнопленных нельзя считать достаточными.

Данные о количестве военнопленных, попавших в Россию, представленные в разных источниках, несколько отличаются. В основном указываются цифры от 2 до 2,4 млн.⁴⁵. По данным Генерального штаба на 1 сентября 1917 г. в Россию попало чуть меньше 2 млн. военнопленных австро-венгерской, германской, турецкой и болгарской армий⁴⁶. По сведениям германских источников военнопленных центральных держав в России было 2.322.378 человек⁴⁷.

Количество военнопленных в разных частях Российской империи менялось под влиянием определенных обстоятельств и необходимости, вызванной затяжной войной. Их размещение зависело в основном от их национальности: немцев и венгров размещали за Уралом (Омский, Иркутский, Туркестанский военные округа), а славян и румын — в европейской части⁴⁸. В то же время отмечается, что в Сибирь попало довольно много славян, а многие подданные Австро-Венгрии неславянского происхождения и подданные других стран оказались в европейской части России⁴⁹.

Полной картины размещения военнопленных по военным округам России с динамикой их количества по годам нет. Имеются данные по основным военным округам, а также по отдельным губерниям, областям или даже населенным пунктам. В 1914 — 1915 гг. военнопленных направляли в основном в азиатскую часть России — в Сибирь (Иркутский и Омский военные округа), на Урал, в Туркестан, а также в земельные районы европейской части России⁵⁰. С 1916 г. в азиатскую часть России стали отправлять меньше, а больше оставлять в европейской части для использования их на тыловых и сельскохозяйственных

⁴⁵ Смирнов, Ю. И. Военнопленные на территории России в годы Первой мировой войны // Вестник МИЭП. 2016. № 1. С. 137.

⁴⁶ Россия в мировой войне 1914-1918 года (в цифрах). Москва, 1925. С. 41. URL: <https://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/14264-rossiya-v-mirovoy-voynе-1914-1918-goda-v-tsifrah-m-1925> (дата обращения 25.02.2023).

⁴⁷ Шапкин, Ю. Г. Жизнь и быт военнопленных в лагерях Восточной Сибири в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 2. С. 50.

⁴⁸ Смирнов Ю.И. Военнопленные на территории России в годы Первой мировой войны. С. 137.

⁴⁹ Рокина Г. В. Австро-венгерские пленные Первой мировой войны в уездных городах Казанской губернии. С. 13

⁵⁰ Там же. С. 13.

работах⁵¹.

В 1917 г. генеральный штаб предпринял попытку учесть и классифицировать военнопленных по всей стране. Определению количества и состава военнопленных мешали их рассеянность по территории России, распределение военнопленных за пределами городов, их частые переводы на новые работы⁵². Качество подсчетов зависело от места проживания военнопленных. Оно было лучше в местах постоянного проживания — лагерях⁵³.

В Петроградской губернии также проводился учет военнопленных. 28 февраля 1915 г. по распоряжению главного начальника Петроградского военного округа была проведена «однодневная перепись» «военнопленных, забранных на полях сражения, кои в день переписи будут находиться во вверенных ... районах на работах или в пунктах и лечебных заведениях не подчиняющихся военному начальству»⁵⁴. Перепись выявила, что военнопленных нет в следующих уездах и городах: Петроградский уезд, Лужский уезд, Царскосельский уезд, Новолодожский уезд, Шлиссельбургский уезд, Ямбургский уезд, Гдовский уезд, Петергофский уезд, г. Царское Село, г. Ораниенбаум, г. Петергоф, г. Гатчино, г. Нарва, г. Павловск. 5 марта 1915 г. Петроградский губернатор А.В. Адлерберг отчитался перед главным начальником Военного округа, что «в настоящее время военнопленных не имеется и не предвидится»⁵⁵. А уже в ноябре 1915 г. в уведомлении из Петроградского управления Земледелия и Государственных имуществ сообщается о 1.500 военнопленных, которых посылают на работы по заготовке дров⁵⁶. Таким образом, военнопленные в Петроградской губернии в 1915 г. (по крайней мере, в конце 1915 г.) были, но общее их количество назвать сложно.

Еще один учет военнопленных Петроградской губернии был проведен в начале 1917 г. Из отчетов уездных земских управ губернатору Петроградской

⁵¹ Федорова Т. В. Проблема социально-бытовых условий содержания австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири во время Первой мировой войны // Известия Алтайского государственного университета. 2014. Т. 2. № 4. (84). С. 233.

⁵² Суржикова Н. В. Перепись военнопленных Первой мировой войны в России: причины, условия, итоги (по материалам Пермской губернии) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 24-25.

⁵³ Кугуелов А. Г. Проблема военнопленных в годы Первой мировой войны // Запад-Восток. 2018. № 1. С. 93.

⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 2. Д. 1269. Л. 29, 33.

⁵⁵ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 2. Д. 1269. Л. 26-49.

⁵⁶ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 3. Д. 4276. Л. 1.

губернии следует, что количество военнопленных по уездам следующее:

Лужский уезд	военнопленные отсутствуют
Ямбургский уезд	нет сведений
Новоладожский уезд	130 военнопленных
Гдовский уезд	148 военнопленных
Петергофский уезд	1.632 военнопленных
Шлиссельбургский уезд	3.930 военнопленных
Царскосельский уезд	военнопленные отсутствуют

Всего, как отчитались уездные земские управы, в Петроградской губернии насчитывалось 5.840 военнопленных⁵⁷. Предоставленные данные могли быть занижены, так как земскими управами, видимо, учитывались только те военнопленные, которые были заняты на работах, организуемых правительственными учреждениями, или о направлении на которые управы были осведомлены. Несмотря на то, что запрос губернатора был сформулирован как «предоставить мне Ваше заключение о числе военнопленных в уезде», при сообщении о количестве военнопленных уездные земские управы употребляли следующие формулировки: «в правительственных учреждениях ...», «... военнопленных работает в уезде», «в распоряжении Уездного Земства ...».

Значительную долю военнопленных в России занимали подданные Австро-Венгрии. Их количество по разным подсчетам также оказывается разным. По подсчетам Генерального штаба их количество составляло примерно 1 млн. 730 тыс.⁵⁸. Примерно такую же цифру указывают отечественные исследователи, как советские, так и современные (от 1.724.541 до 2.200.000)⁵⁹. В целом сходятся с ними и иностранные исследователи этого вопроса: около 2 млн. по подсчетам Р.

⁵⁷ По данным Генерального Штаба в Петроградском военном округе в 1917 г. находились 61.795 военнопленных — см.: Васильева С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. С. 100.

⁵⁸ Россия в мировой войне 1914-1918 года (в цифрах). С. 41. URL: <https://elib.shpl.ru/ru/nodes/14264-rossiya-v-mirovoy-voyne-1914-1918-goda-v-tsifrah-m-1925> (дата обращения: 25.02.2023).

⁵⁹ Смирнов Ю. И. Военнопленные на территории России в годы Первой мировой войны. С.136; Белова И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914-1925 гг. С. 157; Федорова Т.В. Проблема социально-бытовых условий содержания австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири во время Первой мировой войны. С. 233; Суржикова Н.В. Военнопленные Первой мировой войны на Урале. К реконструкции коллективного портрета. С. 57

Нахтигалья и 1,5 млн. по подсчетам Ивана Волдеша⁶⁰.

Определение национальной принадлежности военнопленных, особенно австро-венгерских, вызывало трудности. Часто национальность военнопленных записывали с их слов, что не всегда отражало реальную ситуацию. Это подтверждают воспоминания бывшего военнопленного словака Арнольда. Петраша: «В то время в Семипалатинске и в его окрестностях находилось около 4.000 военнопленных, большинство из которых называли себя венграми, хотя и не все были ими, а говорили так лишь потому, что проживали на территории тогдашней Венгрии»⁶¹. Затрудняло установление национальности военнопленных также то, что при их регистрации часто отмечалась лишь принадлежность к армии и вероисповедание, а также то, что военные чиновники часто путали некоторые национальности (например, словаков и словенцев)⁶².

По подсчетам советских историков, этническое соотношение военнопленных австро-венгерской армии было следующим: немцы — примерно 20-22% (400-500 тыс. человек), венгры — 24-25% (500-550 тыс.), румыны — 7-8% (120-150 тыс.), итальянцы — 1-2% (20-40 тыс.). Славянские же народы составляли 40-47%: чехи и словаки — 13-18% (250-350 тыс.), сербы, словенцы и хорваты — 11-12% (200-250 тыс.), поляки — 8-9% (150-200 тыс.), украинцы — 8% (150-160 тыс.)⁶³. По подсчетам Ивана Волдеша венгерских военнопленных было около 600 тыс.⁶⁴.

О национальном составе военнопленных, размещенных на территории Петроградской губернии, можно судить по ряду документов, в которых указывается их национальность, например, по списку партий (рабочих команд), сформированных из военнопленных. На 1 января 1917 г. в этих рабочих партиях находилось 3.747 человек⁶⁵. Заметим, что это почти в 2 раза меньше, чем

⁶⁰ Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны. С. 143; Volgyes I. Hungarians prisoners of war in Russia, 1916-1919. P. 54.

⁶¹ Петраш А. В интернациональном отряде Сибири // Милитера Военная история : [сайт]. URL: http://militera.lib.ru/memo/other/sb_bylye_pohody/09.html (дата обращения: 15.03.2023).

⁶² Абдрашитов, Э. Е. Восприятие крестьянским сообществом немецких и австро-венгерских военнопленных в 1914 г. (на примере Казанской губернии) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2014. №3. С. 64.

⁶³ Суржикова Н.В. Военнопленные Первой мировой войны на Урале. К реконструкции коллективного портрета. С. 57.

⁶⁴ Volgyes I. Hungarians prisoners of war in Russia, 1916-1919. P. 54.

⁶⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 190. Л. 1-14.

упомянутое выше общее количество военнопленных Петроградской губернии (5.840 военнопленных). При этом нужно иметь ввиду, что оба показателя отражают только людей, занятых на различных работах. Следовательно, разница объясняется временным характером части работ, а высвобождавшиеся военнопленные должны были поступать в специальные лагеря. Несмотря на то, что данные из этого списка не отражают ни абсолютной численности, ни того, какой процент военнопленных был использован на работах за все время войны, они могут служить для общего понимания соотношения военнопленных по национальному составу.

Таблица 1 — Количество военнопленных разных национальностей в списке рабочей команды от 1 января 1917 г⁶⁶.

Национальность	Количество	% от общего количества
русины	1013	31
словаки	689	21
чехи	666	20,4
поляки	401	12,3
румыны	256	7,8
хорваты	238	7,3
сербы	153	4,7
мадьяры (венгры)	136	4,1
немцы	67	2
боснийцы	65	2
словенцы	26	0,8
славяне (sic!)	18	0,5
евреи	9	0,3
итальянцы	6	0,2
греки	2	0,06
болгары	1	0,03
цыгане	1	0,03

Приведенные данные говорят о том, что доминировали по количеству славяне — около 87%. На долю представителей остальных национальностей — румын, венгров, немцев, евреев, итальянцев, греков, цыган — приходится только 13%.

⁶⁶ Там же.

О водворении в Петроградской губернии военнопленных преимущественно славян и некоторых других народов свидетельствует и другие документы: список австро-венгерских военнопленных, направленных в 1915 г. на лесозаготовки в Долговое лесничество, состоящий в основном из славян⁶⁷; список военнопленных, переведенных в августе 1916 г. из Владимирской губернии на станцию Поповка Петроградской губернии на строительство Николаевской железной дороги – славян и румынов⁶⁸; отчет по Царскосельскому уезду от 1 февраля 1917 г., в соответствии с которым на станции Поповка проживали на строительстве Николаевской железной дороге 9 военнопленных, все славяне, а на станции Павловск на строительстве Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги проживало 129 военнопленных, из них только один немец, а остальные славяне⁶⁹.

Таким образом, можно предположить, что в Петроградской губернии большинство военнопленных были славянами, что подтверждает высказанное выше мнение о преимущественном водворении в европейские регионы России, в том числе в Петроградскую губернию, военнопленных славян как более благонадежных.

По условия Брестского мирного договора, подписанного в марте 1918 г. военнопленных начинают возвращать на родину. Через Петроград проходит транзит военнопленных в Швецию. Таким образом, через губернию, в первую очередь через Петроград, проходило большое количество военнопленных, учет которых вел Петроэвак. Среди возвращающихся на родину военнопленных было много венгров. В отношении военнопленных, еще остающихся на территории губернии, сложно говорить о количественных данных, их подсчетами центральные органы не занимались. Об отсутствии военнопленных венгров, проживающих на территории Петроградской губернии в середине – конце 1920 г. говорится в официальном сборнике материалов РКП(б) за июль – декабрь 1920 г.⁷⁰. Поскольку

⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф. 866. Оп. 3. Д. 13. Л. 6 об. - 7.

⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 620. Л. 1-2.

⁶⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1697. Оп.1. Д. 151. Л. 5.

⁷⁰ Сборник материалов Петроградского комитета РКП(б). Вып. 2. Июль – Декабрь 1920. Петроград. С. 35. URL: https://archive.org/details/sbornik_materialov_peterburgskogo_komiteta_rkp_II_1920 (дата обращения 20.04.2023).

военнопленных венгров в Петроградской губернии и до революционных событий 1917 г. было мало, а часть из них либо уже была репатриирована или самовольно переправилась через финскую границу, то правомерно говорить об отсутствии или, по крайней мере, об очень малом количестве венгров военнопленных, оставшихся проживать на территории Петроградской губернии.

2.2. Условия содержания военнопленных

Как отмечают большинство исследователей, российский плен в период Первой мировой войны не отличался единообразием, в том числе это касалось и условий содержания военнопленных. Условия зависели от региона и от времени (начало войны, ее середина или после событий 1917 г.). Отмечается, что условия зависели не только от политики, проводимой правительством, и от природных условий, но и от *особенностей тех работ*, на которых использовался труд военнопленных, отношения к ним конкретного работодателя, а также ситуации с продовольствием в регионе.

На условия содержания влиял также такой аспект, как *национальность* военнопленных, хотя некоторые авторы считают, что важность этого аспекта переоценена⁷¹. Но, вероятно, этот аспект влиял на разницу в содержании и в отношении к военнопленным славянам и не славянам в определенный период их плена (до 1917 г.). Подтверждением этого может служить уведомление от 5 марта 1915 г. министру внутренних дел Н. А. Маклакову от Петроградского градоначальника А. Н. Оболенского о предоставлении военнопленным-славянам некоторых льгот, в частности, переселение в центральные губернии⁷².

К условиям содержания можно отнести следующие аспекты: обеспеченность питанием, жильем и медицинским обслуживанием.

Важной составляющей условия жизни военнопленных являлось *снабжение*

⁷¹ Суржикова Н. В. Военный плен в Российской провинции (1914 — 1922 гг.): дис. ... докт. ист. наук. С. 66.

⁷² ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 440. Л. 8.

их продуктами питания. Согласно положению о военнопленных от 1914 г. рядовые военнопленные должны были питаться так же, как и младшие чины русской армии. Следует сказать, что из-за проблем с продовольствием по всей стране эту норму несколько раз понижали⁷³. При этом, согласно постановлению правительства, военнопленные по всей стране должны были получать вышеприведенное довольствие в равной степени, что, как отмечается рядом исследователей, не всегда соблюдалось⁷⁴.

Документы канцелярии Петроградского губернатора дают некоторый ответ на вопрос о том, каковы были условия снабжения продовольствием в Петроградской губернии по сравнению с другими регионами Российской империи. Согласно этим документам, в конце 1916 г. - начале 1917 г., когда в России уже наблюдалась нехватка продовольствия, военнопленные, размещенные в Петроградской губернии, питались не хуже местных жителей, а иногда и лучше. В письме начальнику штаба Петроградского военного округа из канцелярии начальника снабжения армий Северного фронта от 24 декабря 1916 г. сообщалось, что министр внутренних дел предлагает ограничить продажу и покупку военнопленными (а также «военнозадержанными гражданскими лицами») съестных припасов, «главным образом мясных продуктов» как по времени — установить определенные дни и часы для этого, так и по объему — установить максимальную норму отпуска. Предлагалось также установить наказания для военнопленных и гражданских лиц, нарушающих данные нормы. Министром внутренних дел, к которому присоединялся министр продовольственных запасов, такие меры обосновывались тем, что военнопленные, приобретая продукты питания «не стесняясь в расходах» иногда взвинчивали на них цены, что, по мнению министра, создавало «возбуждение против неприятельских подданных, могущее вылиться в форму крайне нежелательных эксцессов». Утверждалось также то, что некоторые губернаторы уже приняли меры, аналогичные

---

⁷³ Еремин И.А. Военнопленные Первой мировой войны в Западной Сибири // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. Т. 310, № 1. С. 259.

⁷⁴ Самович А.Л. Содержание и трудовое использование военнопленных на территории Белоруссии в годы Первой и Второй мировых войн // Вестник военного университета. 2010. № 3. С. 99.

предлагаемым, и это помогло, как уменьшить количество покупок военнопленными продуктов, так и снизить цены на них⁷⁵. Через месяц, 25 января 1917 г., предложения министра внутренних дел были переданы помощником главного начальника Петроградского военного округа Н.В. Плеве Петроградскому губернатору А.П. Сабурову для их рассмотрения и проведения в жизнь⁷⁶, а 9 февраля того же года губернатор А. П. Сабуров передал председателям губернской и уездных земских управ предложения министра внутренних дел и спрашивал их мнение о предлагаемых мерах⁷⁷. Предлагаемые меры по ограничению продажи продуктов питания военнопленным предлагались и в других губерниях. Так, в Астраханской губернии в январе 1917 г., почти одновременно с обсуждением таких же мер в Петроградской губернии, было запрещено продавать всем военнопленным, в том числе офицерам, продукты; это могли делать только специально назначенные люди⁷⁸.

В Петроградской губернии, как отмечается в вышеназванных отчетах, в Шлиссельбургском, Петергофском, Царскосельском, Лужском и Гдовском уездах военнопленные питались за счет тех учреждений, в которых они работали. При этом, Петергофская уездная земская управа отпускала продукты военнопленным «лишь в единичных случаях» — работодателям на всех работников, в т.ч. на военнопленных. В Царскосельском уезде ни одно учреждение не обращалось за отпуском продуктов⁷⁹. Видимо, основное бремя обеспечения военнопленных-работников продуктами питания несли на себе их временные хозяева.

Согласно вышеуказанным отчетам, ситуация с обеспечением продовольствием военнопленных в Петроградской губернии была разной в разных уездах. Петергофская уездная земская управа дает следующую характеристику: «Норма продовольствия, отпускаемая работодателями военнопленным, находящимся на работах и на полном иждивение хозяев, столь велика, что

⁷⁵ ЦГИА СПб. Ф. 2214. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

⁷⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2214. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.

⁷⁷ ЦГИА СПб. Ф. 2214. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.

⁷⁸ Тимофеева Е.Г. Иностранцы военнопленные на территории Астраханской губернии в годы Первой мировой войны и российской революции. 2017. С. 114.

⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 2214. Оп. 1. Д. 18. Л. 5-13.

наблюдались случаи продажи остатков местному населению. ... Не подлежит, к сожалению, никакому сомнению, что военнопленные значительно более обеспечены продовольствием, чем местные жители...». В то же время в Новолодожском уезде речь шла уже о введении карточной системы, при этом военнопленных предполагалось обеспечивать так же, как российских подданных: «...т.к. (уезд) переходит к карточной системе, то по выяснении количества военнопленных, они будут получать продукты наравне с остальным населением»⁸⁰. Такая картина выглядит вполне реалистично, если принять во внимание то, что, как говорится в отчетах, военнопленных снабжают хозяева. И это соответствует тому, что наблюдалось в других регионах России. Как отмечает А. Г. Кугуелов, военнопленные, работавшие в сельской местности, зачастую питались лучше, чем требовалось согласно Гаагской конвенции, принятой Россией в 1915 г., поскольку там об их пропитании заботились непосредственные наниматели — крестьяне и управляющие поместьями⁸¹. Схожую ситуацию описывает А. Л. Самович в Минской губернии, где военнопленные не голодали, что было связано с их занятостью на сельскохозяйственных работах, железной дороге и на частных предприятиях⁸². Взаимосвязь между занятостью военнопленных на работах и их хорошим питанием отмечалось и в Сибири⁸³. Тем не менее, работа в сельской местности не всегда означала хорошую жизнь. Например, в своих воспоминаниях военнопленный Мартин Марек пишет о том, что он и его товарищ, работая в сельской местности, недоедали по вине их хозяина: «Работать этот кулак заставлял нас много, а еды давал мало. ... голодным я был всегда»⁸⁴.

По всей России обеспечение питанием военнопленных и в целом контроль за ситуацией с ним находились не в руках центрального руководства, которое было вынуждено полагаться на органы местного самоуправления — земства и

⁸⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2214. Оп. 1. Д. 18. Л. 5-13.

⁸¹ Кугуелов А. Г. Проблема военнопленных в годы Первой мировой войны. С. 94-95.

⁸² Самович А. Л. Содержание и трудовое использование военнопленных на территории Белоруссии в годы Первой и Второй мировых войн. С. 4.

⁸³ Федорова Т. В. Проблема социально-бытовых условий содержания австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири во время Первой мировой войны. С. 234.

⁸⁴ Марек, М. Моя служба в Красной Армии // Милитера Военная история: [сайт]. URL: http://http://militera.lib.ru/memo/other/sb_bylye_pohody/15.html (дата обращения: 12.02.2023).

конкретных работодателей. Система военного плена, за пределами лагерей для военнопленных, была значительно децентрализована. Ситуацию неосведомленности властей о том, что происходило на вверенной им территории, характеризует немецкий исследователь Райнхард Нахтигаль, который рассматривает жизнь военнопленных, занятых на строительстве Мурманской железной дороги (данный регион входил в Петроградский военный округ), и пишет об этом следующее: «По-видимому, весной 1916 г. архангельские и олонечские губернские власти также не были осведомлены насчет численности военнопленных на линии ... . 11 апреля 1916 г. архангельский губернатор С. Д. Бибииков сообщил, что в его губернии военнопленных нет, за исключением некоторого неизвестного ему числа рабочих на Мурманской железной дороге»⁸⁵. В таких условиях контроль за условиями содержания военнопленных осуществлять было непросто и они, очевидно, могли кардинально различаться даже в рамках уезда.

Такая же ситуация децентрализации была характерна и для Петроградской губернии. Если, согласно приведенным отчетам, в Петергофском и Новолодожском уездах военнопленные снабжались (или их предполагалось снабжать) питанием как минимум не хуже местных жителей, то это не означает, что такая ситуация наблюдалась в остальных уездах или у каждого конкретного нанимателя. Тем не менее, это показывает тенденцию, имеющуюся в Петроградском уезде.

После революционных событий 1917 г. проблема с продуктами питания ухудшилась не только для военнопленных, но и для граждан России. Советское государство не могло обеспечить даже минимальные физические потребности военнопленных⁸⁶. Это осложнялось еще и тем, что после принятия постановления Совета народных комиссаров в декабря 1917 г. об освобождении военнопленных от «тюремно-лагерного режима»⁸⁷ многие военнопленные самовольно оставляли места водворения и пробирались в города, многие направлялись в Петроград.

---

⁸⁵ Нахтигаль, Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 годы): военная необходимость и экономические соображения. С. 106.

⁸⁶ Суржикова Н. В. Военный плен в Российской провинции (1914 — 1922 гг.): дис. ... докт. ист. наук. С. 414.

⁸⁷ Там же. С. 410.

Чтобы не допустить скопления большого количества людей в городах, в декабре 1918 г. был издан указ Ценропленбежа № 38, запрещающий военнопленным свободно перемещаться, но это не могло остановить голодающих военнопленных.

Значительно ухудшилось положение, в том числе и снабжение продуктами военнопленных офицеров. В отличие от царского правительства, советское правительство не делало им никаких привилегий, скорее наоборот. Однако и в этой ситуации у них были помощники – им помогали благотворительные общества и частные группы, передавая продукты питания и другие необходимые вещи⁸⁸.

Другой важной составляющей условий содержания военнопленных является качество *медицинской помощи*, поскольку, во-первых, они побывали на полях сражения и многие были доставлены в места водворения ранеными, и, во-вторых, скученное проживание, нередко при недостатке питания, не способствовало здоровому образу жизни. В среднем по России смертность военнопленных составляла около 4 %⁸⁹. Однако в разных местах эта цифра могла сильно отличаться от среднего уровня из-за большой разницы в условиях содержания и климата. Во многих губерниях уже в начале войны наблюдались вспышки заболеваний (в 39 губерниях из 78), далее положение только ухудшалось (в 1916 г. - в 52)⁹⁰. В период революционных событий (с февраля 1917 г.) заболеваемость и смертность еще более возросли⁹¹.

Больше распространялись эпидемии в лагерях азиатской части России, но и в европейской части они тоже вспыхивали. В одних местах заболеваемость и смертность были выше среднего, в других — ниже. Так, на строительстве Мурманской железной дороги из 80 тыс. венгров и немцев болело цингой, чахоткой 72 тыс.⁹². Из всех концентрационных лагерей особо выделяется Тоцкий лагерь, в котором была крайне высокая смертностью среди военнопленных — с апреля 1915 г. по январь 1916 г. в нем умерло около 17 тыс. военнопленных,

⁸⁸ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10698. Л. 3.

⁸⁹ Еремин И. А. Военнопленные Первой мировой войны в Западной Сибири. С. 260.

⁹⁰ Суржикова Н. В. Военнопленные Первой мировой войны на Урале. К реконструкции коллективного портрета. С. 59-60.

⁹¹ Тимофеева Е. Г. Иностранцы военнопленные на территории Астраханской губернии в годы Первой мировой войны и российской революции. С. 116.

⁹² Смирнов Ю. И. Военнопленные на территории России в годы Первой мировой войны. С. 138.

большинство в результате эпидемии тифа⁹³.

В Петроградской губернии ситуация с заболеваемостью и с медицинской помощью, исходя из документальных источников, выглядела по-разному в зависимости от уезда и даже от конкретного места работы, но в целом не была столь плохой как в печально известном Тоцком лагере. На бедственное положение военнопленных в начале 1917 г., особенно на некоторых работах, указывает телефонограмма начальника дноуглубительных работ в Новой Ладого Воронина в правление Петроградского округа путей сообщения, в которой он сообщает о том, что многие военнопленные не имеют сапог, белья и остальной одежды, а шинели надевают на голое тело, при этом им необходимо работать в воде и на льду⁹⁴. О плохих условиях жизни военнопленных на работах на Приладожских каналах (в Шлиссельбурге) свидетельствует также отчет за ноябрь 1916 г. о заболеваемости рабочих, в котором говорится о таких болезнях как грипп, тиф, цинга, малярия, травмы, болезни нервной системы, болезни органов дыхания. В этом списке большая часть болезней вызвана именно теми обстоятельствами, которые упоминаются в отчете начальника дноуглубительных работ Воронина⁹⁵. В выписке из отчета за 1916 г. о положении военнопленных на работах в Петроградской губернии говорится о плохой организации быта военнопленных — отсутствие кухни, нахождение котлов на открытом воздухе, что должно было создавать неблагоприятные санитарные условия⁹⁶.

Согласно «Положению о военнопленных» заболевшим в плену солдатам и офицерам медицинская помощь должна была оказываться на том же основании, что и русским военнослужащим, наравне с соответствующими российскими чинами они отправлялись в военные и гражданские лечебные заведения⁹⁷. С увеличением количества военнопленных во всех регионах Российской губернии для них устраивали отдельные госпитали с инфекционными отделениями.

⁹³ Ниманов Б. И. Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 2. С. 57.

⁹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 921. Оп. 86. Д. 18. Л. 39.

⁹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 921. Оп. 86. Д. 18. Л. 39.

⁹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 847. Л. 4.

⁹⁷ Соза Л. Н. Военнопленные австро-венгерской и германской армий на территории Бронницкого уезда Московской губернии (1916 — 1917 гг.). С. 169.

Сразу после проведения переписи военнопленных (28 февраля 1915 г.) 18 марта 1915 г. поступило распоряжение от Верховного Главнокомандующего, в том числе и Петроградскому губернатору, о том, что военнопленных можно лечить только в казенных лечебных учреждениях, а не в клиниках, принадлежащих частным людям или общественным организациям⁹⁸. Объяснялось это тем, что «военнопленные вражеских армий, находящиеся на излечении в различных лечебных заведениях, принадлежащих частным лицам и общественным организациям, пользуются в смысле обстановки и ухода более благоприятными условиями, чем наши раненые». В документе сказано о необходимости проведения проверки клиник и при обнаружении там военнопленных переводить их в Петроградский Николаевский госпиталь⁹⁹.

Из важных мероприятий, которые проводились в Петроградской губернии для уменьшения заболеваемости среди военнопленных, следует отметить прививочные кампании против тифа и туберкулеза¹⁰⁰. Насколько соответствовала ситуация в Петроградской губернии чаяниям властей показать приемлемые условия жизни, в том числе медицинское обслуживание, в некоторой степени демонстрируют данные, которые приводятся в документах, прямо не посвященных этому вопросу. В частности, в «наказе о приеме военнопленных», составленном Петроградско–Псковским управлением земледелия и государственных имуществ для ряда лесничих и лесных ревизоров Петроградской губернии по случаю предстоявшего поступления в их распоряжение полутора тысяч военнопленных для работ по заготовке дров, имеются такие пункты, как «проверить состояние их (военнопленных) здоровья и снабжение одеждой» и «опросить всех пленных, удовлетворены ли они кормовым довольствием». Наказ был составлен, по словам его авторов, на основании общих постановлений и распоряжений правительства и опыта использования труда военнопленных учреждениями министерства земледелия¹⁰¹.

---

⁹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 1269. Л. 23, 24.

⁹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 1269. Л. 24.

¹⁰⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 847. Л. 46.

¹⁰¹ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 3. Д. 4276. Л. 1.

Таким образом, можно сказать, что, по крайней мере, в начале войны медицинское обслуживание военнопленных в Петроградской губернии было относительно неплохим. Обращает на себя внимание проведение массовой вакцинации военнопленных против тифа и туберкулеза и отсутствие данных о масштабных вспышках эпидемий в Петроградской губернии. Тем не менее, заболеваемость военнопленных на некоторых работах (например, на работе на Приладожских каналах) была достаточно высока.

2.3. Надзор за военнопленными, побег и диверсии

Надзор за иностранными военнопленными в России с 1914 по 1921 гг. существенно различался в зависимости от периода и места их содержания. Достаточно строгий надзор отмечается, например, в лагерях Астраханской губернии¹⁰² и в горнозаводских районах Урала¹⁰³.

В 1916 г. были сформулированы основные требования о содержании военнопленных, касающиеся, в частности, надзора над ними. Они должны были содержаться отдельно от других рабочих, не появляться без конвоя¹⁰⁴. Однако нарушения установленного порядка в сторону смягчения режима содержания отмечались по всей России, отмечается также, что большей свободой пользовались военнопленные в деревне¹⁰⁵. Такое же положение дел наблюдалось и в Петроградской губернии. Так, в октябре 1916 г. вице-губернатор граф Толстой в своем докладе в Штаб Главного Начальника Военного Округа отмечал, что военнопленные, размещенные в селе Лисино и деревне Поги, недостаточно охраняются и из-за этого уже было совершено «около 6 побегов». Виновником называется прапорщик Фолькман, который редко посещает пленных. Отмечается в

¹⁰² Тимофеева Е. Г. Иностранцы военнопленные на территории Астраханской губернии в годы Первой мировой войны и российской революции. С. 112.

¹⁰³ Суржикова Н. В. Российский плен 1914-1917 гг.: проблема институциональной атрибуции // Идеи и идеалы. 2014. Т. 2, № 3. С. 7-8.

¹⁰⁴ Кротт И. И. Использование труда военнопленных в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Омский научный вестник. 2012. № 4. С. 25-26.

¹⁰⁵ Суржикова Н. В. Российский плен 1914-1917 гг.: проблема институциональной атрибуции. С. 6-7.

докладе также, что пленные, «чувствуя себя совершенно свободно, проявляют даже непослушание, не выходя иногда на работу и, несмотря на это, получают по 20 коп.». В докладе рисуется следующая картина: «Военнопленные разгуливают по деревне с крестьянскими девицами, исполняют обязанности кучеров, отвозя даже штатских лиц на Павловский вокзал¹⁰⁶. Такое свободное передвижение военнопленных, несомненно, противоречило сформулированным в 1916 г. требованиям об их содержании. Результатом этого доклада стало ходатайство об усилении военной охраны, «так как имеющаяся из 44-45 человек от 343 пешей Новгородской дружины при одном прапорщике реальной пользы принести не может»¹⁰⁷.

О недостаточно строгом надзоре свидетельствует также циркуляр начальника штаба Петроградского военного округа М. И. Тяжелникова начальнику жандармского полицейского управления Северо-Западных железных дорог Ф. М. Валуеву от 24 декабря 1916 г., в котором говорится о слабом надзоре во всех местах: некоторые «стражники» плохо вооружены, плохо следят за пленными, порядок получения и отправления писем и депеш не выработан, наказание за провинности (отлучки, неповиновение, отказ от работы) ведется медленно вследствие отсутствия карцеров, меры против побегов не организованы, обыски не производятся¹⁰⁸. Еще один пример недостаточного надзора за военнопленными приводится в рапорте от 23 декабря 1916 г. Новоладожского уездного исправника Г. Л. Балашова Петроградскому губернатору А. П. Сабурову, где указывается на то, что примерно 2 тыс. военнопленных, находящиеся на работе по постройке железнодорожных линий Гостинополье–Чудово и Волхов–Рыбинск, «свободно толпами ходят в разное время дня и ночи по селениям без всякого конвоя ... ходят в лавки за разными продуктами, а в ночное время похищают ... принадлежащее местным жителям сено. Своими похождениями они наводят ужас на окружающее население»¹⁰⁹.

¹⁰⁶ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 622. Л. 1, 1 об.

¹⁰⁷ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 622. Л. 1 об., 2.

¹⁰⁸ ЦГИА СПб. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 847. Л. 4.

¹⁰⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 110. Л. 181.

Стоит отметить, что пленные в данном случае были в основном славяне. И это, в некоторой степени, может служить подтверждением тезиса о том, что славяне пользовались большей свободой, поскольку считалось, что они были более лояльны к российским властям.

Основным способом неповиновения военнопленных и основным правонарушением с их стороны по всей России были побегі. Легче было бежать из Европейской части России, сложнее – из ее Азиатской части. В то же время, в целом, из центральной части Европейской России побегі в течение военного времени не носили массового характера.

Однако Петроградская губерния имела свои особенности. Современный российский историк А. Г. Кугуелов называет русско-финскую границу основным направлением побегов, которое от других направлений (русско-иранской границы, направления через Дальний Восток в Америку) отличала относительная простота перехода. Из-за этого сюда бежали и из довольно отдаленных областей, даже из Восточной Сибири. Российские власти это понимали и принимали меры по их задержанию¹¹⁰. В одном из дел канцелярии Петроградского губернатора (датировка отсутствует) содержится список скрывшихся военнопленных (с их приметами), которые могли оказаться на территории Петроградской губернии — всего 17 человек, бежавших за три месяца (с мая по июль), в том числе из местностей, находящихся достаточно далеко от Петрограда, например из Калуги. В пояснении к списку говорится о том, что это дополнение к 15 предыдущим спискам¹¹¹. Подобная практика помощи надзорным органам других губерний не была уникальна для Петроградской губернии, схожие меры принимались, например, в Астраханской губернии, из которой можно было бежать в Иран или Турцию¹¹².

Об относительно большом количестве побегов из Петроградской губернии говорят документы, хранящиеся в ЦГИА СПб. Уже говорилось о «примерно 6

---

¹¹⁰ Кугуелов А. Г. Проблема военнопленных в годы Первой мировой войны. С. 95-96.

¹¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 621. Л. 1.

¹¹² Тюрин А. О. Охрана и надзор за военнопленными в Астраханском крае в годы мировых войн // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 9-10 (113). С. 180.

случаях» побега к октябрю 1916 г. Сбежавших быстро поймали¹¹³. Также в документах говорится о побеге 9 военнопленных в сентябре того же года из места, находившегося в «в 8 км. к северу от Кандалакши» (видимо, это один из 6 упомянутых выше случаев)¹¹⁴. Этот побег, вероятно, тоже не был успешным, поскольку в документе говорится о направлении побега (на финский город *Киттиля*) и имеющемся у них провианте и снаряжении (провиант на 25 дней, 3 топора, веревки, котел). Другой пример побега военнопленных приводится в рапорте начальника работ инженера Яковлева от 19 декабря 1916 г. о бегстве немецких и венгерских военнопленных с работ по постройке железнодорожных линий Гостинополье–Чудово и Волхов–Рыбинск (Московско–Виндаво–Рыбинская железная дорога). Согласно этому рапорту, с этих участков бежало 6 пленных. Об организации пленными, работавшими на строительстве железной дороги, побега говорится в докладе генерал-майора Шлушевских от 2 декабря 1916 г.: «...Имеются вполне определенные указания об организации пленными заговора о нападении на конвой, разрушении железной дороги и массового бегства через Финляндию в Швецию и Норвегию, для чего пленными заготавливаются съестные припасы, одежда и, кроме того, упражняются в ходьбе на лыжах»¹¹⁵. Как видно, надзор за военнопленными на данном участке строительства был поставлен довольно плохо, поскольку военнопленные смогли приготовить необходимые им для побега вещи.

Таким образом, всего из нескольких мест Петроградской губернии бежало достаточно большое количество военнопленных, немалая часть из которых были немцами и венграми. Для сравнения можно привести данные по Воронежской губернии: в 1915 г. бежали 7 военнопленных при их общей численности 7 тыс., а во втором полугодии 1916 г. – 5 военнопленных из 20 тыс.¹¹⁶.

Среди факторов, способствовавших увеличению числа побегов, А. Г. Кугуелов выделяет: притеснения, плохой климат, тяжелые условия работы, наличие солидных денежных средств у военнопленных, плохая охрана, а также

¹¹³ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 622. Л. 1.

¹¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 622. Л. 3 об.

¹¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 622. Л. 3.

¹¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 110. Л. 30.

деятельность организаций, помогавших в побеге¹¹⁷. На строительстве Мурманской железной дороги соединялись многие из перечисленных факторов и это способствовало большому количеству побегов¹¹⁸. Большинство побегов в Петроградской губернии совершалось также из мест с тяжелыми условиями труда, например, со строительства железных линий Гостинополье–Чудово и Волхов–Рыбинск¹¹⁹. В связи с этим был выработан проект (черновой проект датируется 31 октября 1916 г.) о передачи охраны военнопленных на железных дорогах из Петроградского округа путей сообщения в ведение местной полиции и указывается на неудовлетворительно поставленное дело охраны военнопленных¹²⁰.

Готовясь к побегу, военнопленные приобретали фальшивые документы, которые изготавливались в том числе и в Петрограде¹²¹. На эту проблему обращали внимание на высоком уровне. Так, 5 июня 1916 г. Департамент полиции МВД разослал губернаторам и градоначальникам (в том числе и Петроградскому губернатору) циркуляр, в котором сообщалось, что в разных местностях Империи образованы преступные организации, занимавшиеся снабжением военнопленных за плату подложными паспортами и удостоверениями, которые дают возможность совершать побег из мест водворения. Указывалось на то, что эта деятельность облегчалась возможностью общения военнопленных с частными лицами, особенно с комиссионерами, выполняющими поручения военнопленных. В качестве мер по борьбе с этим предлагалось установить наблюдения за частными лицами, непосредственно общающимися с военнопленными, и уведомлять об этом Департамент полиции¹²².

Помимо групп, снабжавших военнопленных паспортами, действовали также группы, которые за деньги готовили побег¹²³. Например, в Швеции существовала организация, нанимавшая для беглецов финских проводников, подстрекавших

¹¹⁷ Кугуелов А. Г. Проблема военнопленных в годы Первой мировой войны. С. 96.

¹¹⁸ Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915 — 1919 годы): военная необходимость и экономические соображения. 2011.

¹¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 110. Л. 30.

¹²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 13147. Л. 50.

¹²¹ Кугуелов А. Г. Проблема военнопленных в годы Первой мировой войны. С. 96.

¹²² ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 599. Л. 1.

¹²³ Федорова Т. В. Проблема социально-бытовых условий содержания австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири во время Первой мировой войны. С. 235.

военнопленных к побегу. Например, чтобы давать пленным минимум времени на подготовку, их пребывание на Мурманской железной дороге сокращали до нескольких месяцев. Была также усилена охрана границ со Скандинавскими странами, для поимки сбежавших были задействованы местные жители с обещанием им вознаграждения¹²⁴.

Имеются сведения о том, что в побегах военнопленным помогали также местные жители. Например, в протоколе от 16 февраля 1917 г. обвиняются мещане д. Поги Андриета Тимак и ее сын Владимир Тимак, которые укрывали беглого военнопленного Юрко Христопо¹²⁵.

Кроме побегов власти опасались со стороны военнопленных также диверсий. В циркуляре от 31 июля 1915 г. товарища министра Внутренних Дел В. Ф. Джунковского Петроградскому градоначальнику говорится о необходимости усиления карательных мер по отношению к военнопленным, привлеченным к казенным, общественным, сельскохозяйственным и другим работам, в случае их неподчинения установленным правилам и отказа от работы¹²⁶.

Говорится о диверсиях в докладе генерал-майора Шлушевских от 2 декабря 1916 г.: «По имеющимся в Штабе Округа сведениям, работающие на новостроящихся железных дорогах германские военнопленные, пользуясь слабостью надзора за ними со стороны подлежащих властей, допускают технические злоупотребления, так, например, военнопленные нарочно оставляют ямы, заполненные зыбким грунтом, с целью вызвать крушение поездов вследствие оседания полотна»¹²⁷.

События 1917 г. сделали надзор за военнопленными, и так не совсем удовлетворительный, еще менее строгим. Временное правительство предпринимало попытки ужесточения режима пребывания военнопленных, но они не всегда оказывались эффективными. События октября 1917 г. еще больше изменили положение военнопленных. В середине декабря 1917 г. Совет народных

---

¹²⁴ Кугуелов А. Г. Проблема военнопленных в годы Первой мировой войны. С. 96.

¹²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 151. Л. 7.

¹²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 440. Л. 14.

¹²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 622. Л. 3.

комиссаров объявил военнопленным освобождение их от «тюремно-лагерного режима» и присвоил им права граждан нейтральных стран¹²⁸.

Однако насладиться свободой военнопленные практически не смогли. Уже в апреле 1918 г. по приказу Л. Троцкого, изданному еще до создания Центропленбежа, местным властям предписывалось «тщательно следить, чтобы военнопленные всех категорий содержались в лагерях, сообразно правилам, принятым в ратифицированных Россией международных конвенциях и соглашениях», то есть объявлялось о том, что военнопленные не имеют право покидать те места, в том числе лагеря, в которых они проживали. Также усиливался надзор за ними, чтобы препятствовать побегам и переходам пленных с места на место. Во второй половине 1918 г. вступил в силу приказ Центропленбежа № 38, в соответствии с которым условия надзора за военнопленными еще более ужесточались. Среди прочего указывались следующие меры: «размещать только ... казарменным порядком», «организовать особую ... охрану», «установить строгий контроль за входом и выходом рабочих пленных», «не допускать появления пленных на улице без конвоя позже 8-и часов вечера», «не допускать никаких посетителей как иностранных, так и русских к свиданиям с военнопленными», «следить, чтобы они не уклонялись от работы под видом болезни или под каким-либо другим предлогом», «осматривать вещи, приносимые военнопленными и для военнопленных», «требовать, чтобы на их костюме всегда имелись отличительные знаки». Еще в большей степени отсутствие свободы касалось военнопленных офицеров. Часто проводились их аресты, что закономерно вызвало рост числа их побегов.

До октябрьской революции побегии совершали в основном рядовые, поскольку офицеры чувствовали себя в плену намного комфортнее, чем солдаты. Проблемы у властей с офицерами возникли после Октябрьской революции в том числе вследствие ухудшения условий их жизни. Этой проблемой занимались также национальные секции при Петроградском Губкоме РКП(б). В частности,

---

¹²⁸ Суржикова Н. В. Военный плен в Российской провинции (1914 — 1922 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. С. 410.

проблемой венгерских офицеров занималась Венгерская секция. На заседаниях секции обсуждались вопросы усиления надзора за офицерами заложниками, которые предназначались для обмена на коммунистов, находящихся в плену в Венгрии, принимались решения по предотвращению помощи им некоторыми организованными группами, которые предоставляли им документы, продовольствие, налаживали связь с «белогвардейцами». Среди мер предлагалось: воспретить заложникам переписку и прочие контакты без ведома Венгерской секции; изолировать венгерских офицеров от русских арестованных; концентрировать всех пленников, работающих в городе¹²⁹. Венгерская секция агитпропагнды старалась в полной мере следовать директивам и постановлениям Советской власти. Первыми вопросами, переданными сразу после выборов на рассмотрение Бюро, стали распределение работ и создание комиссии по делам венгерских офицеров, содержащихся в Петрограде¹³⁰. На одном из первых собраний секции одним из направлений работы секции указывалось задержание венгерских контрреволюционеров¹³¹ и арест офицеров, уличенных в преступных действиях¹³². Сложно сказать, насколько успешно эти планы были реализованы, но несколько раз на заседаниях слушались доклады о задержаниях офицеров.

В целом, в Петроградской губернии надзор за военнопленными был поставлен так же плохо, как и в большинстве регионов сначала Российской империи, потом Советской России. Не хватало охранников, а имеющиеся часто плохо несли службу. Этим пользовались военнопленные (но главной причиной, несомненно, были тяжелые условия жизни) и совершали побег в Финляндию. Близость границы и сравнительная легкость ее перехода только увеличивала желание и шансы военнопленных на успешный побег. В этом им помогали как определенные организации или люди, снабжающие их документами, так и, в некоторых случаях, местные жители, которые, вероятно, симпатизировали им.

Ухудшение условий жизни после октябрьских событий 1917 г. только

---

¹²⁹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11 Д. 10698 Л. 3.

¹³⁰ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11170 Л. 1.

¹³¹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11 Д. 11172 Л. 1.

¹³² ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11 Д. 11170 Л. 6.

увеличили желание военнопленных совершать побеги через границу. Отличительной чертой побегов этого времени является увеличение побегов офицеров.

2.4. Трудовое использование военнопленных

Трудовое использование военнопленных регулировалось общими постановлениями. Сразу после начала войны, в сентябре 1914 г., вышло постановление о военнопленных, в котором оговаривалось их трудовое использование¹³³. Вовлеченность военнопленных в трудовую деятельность с ходом войны увеличивалась: 1915 г. - 140 тыс., 1 апреля 1916 г. - 648.792, 1 апреля 1917 г. - 1.648.317, 1 июля 1917 г. - 1.000.241, 1 октября 1917 г. - 895.491¹³⁴. После Февральской революции и, в большей степени, после Октябрьской революции, трудовое использование военнопленных уменьшилось, в первую очередь, в связи с интернированием их на Родину.

Нехватка рабочих рук наблюдалась по всей России, но в зависимости от региона варьировался список предоставляемых военнопленным работ. В сельском хозяйстве массово использовать военнопленных стали весной 1915 г., когда стало крайне не хватать рабочих рук¹³⁵. Широко использовался труд военнопленных также в промышленности, особый приоритет устанавливался для оборонной промышленности. Офицеры, как правило, не работали (до революции), а получали от властей жалование, которое зависело от чина. Отмечается, что некоторые офицеры работали инженерами, бухгалтерами¹³⁶.

1 октября 1914 г. вышло постановление Совета Министров «О порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств», 10 октября 1914 г. —

¹³³ Талапин А. Н. Военнопленные Первой мировой войны в дореволюционном Кургане. С. 21.

¹³⁴ Смирнов Ю. И. Военнопленные на территории России в годы Первой мировой войны. С. 137.

¹³⁵ Там же. С. 138.

¹³⁶ Кугуелов А. Г. Проблема военнопленных в годы Первой мировой войны. С. 95.

постановление Совета Министров «О допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог», а 17 марта 1915 г. — «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях», которые были утверждены Правительствующим Сенатом 29 мая 1915 г.

В начале войны труд не оплачивался, и производительность его была низкая. Поэтому 8 марта 1915 г. было утверждено дополнение о праве для ведомств и учреждений оплачивать труд военнопленных.

В Петроградской губернии военнопленные были заняты на различных видах работ — в сельском хозяйстве, в промышленности, на строительстве железнодорожных дорог, на дноуглубительных работах на Новоладожском канале, на торфозаготовительных работах, в лесничествах на заготовке дров.

Строительство железных дорог по всей стране, в том числе и в Петроградской губернии, было важным стратегическим делом. На этой тяжелой работе не хватало рабочих рук, и неудивительно, что на эти работы посылали военнопленных. Военнопленные работали на строительстве Балтийской и Николаевской железных дорог: линий Петроград—Орел¹³⁷, Петроград—Волхов¹³⁸, Гостинополье—Чудово и Волхов—Рыбинск¹³⁹, на Московско—Виндаво—Рыбинской железной дороге. Рассмотренные документы позволяют говорить, что военнопленных стали задействовать на строительстве железных дорог еще в 1915 г., но массовое их использование на этих работах отмечается в 1916 — 1918 гг.¹⁴⁰

В связи с нехваткой рабочих рук на строительстве железных дорог военнопленных пересылали из других губерний. Об этом говорит документ от 16 августа 1916 г., в котором содержится список из 80 военнопленных, отправленных из г. Переяславля Владимирской губернии на станцию Поповка Петроградской губернии на строительство Николаевской железной дороги¹⁴¹. В отчете по Царскосельскому уезду от 1 февраля 1917 г. на станции Поповка на строительстве

¹³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1464. Оп. 1. Д. 44, Д. 218, Д. 427, Д. 632, Д. 805, Д. 824, Д. 829.

¹³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 69, Д. 71, Д. 95, Д. 158, Д. 217.

¹³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 10, Д. 107, Д. 109-112, Оп. 7. Д. 4, Д. 14, Д. 15.

¹⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 99, Д. 150, Д. 481, Д. 1365, Д. 1459, Д. 1512-1539.

¹⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 620. Л. 1-2.

Николаевской железной дороги работали 9 военнопленных, а на станции Павловск на строительстве Московско–Виндаво–Рыбинской железной дороги – 129 военнопленных¹⁴².

Военнопленных в Петроградской губернии на сельскохозяйственных работах использовали меньше, чем в некоторых других губерниях. Использовали их, в частности, в составе команд, состоящих из военнообязанных, военнопленных и трудовых дружин учащихся, на сельскохозяйственных работах в 1917 г.¹⁴³.

Военнопленные работали также в лесничествах, в основном на заготовке казенных дров – в Лужском лесничестве (1915 — 1916 гг.)¹⁴⁴, Изварском, Верестовском и других лесничествах Петроградской губернии (с середины 1915 г. по конец 1917 г.)¹⁴⁵. Начало их использования на этих работах определяется документом от 28 ноября 1915 г. Петроградского управления Земледелия и Государственных имуществ, уведомляющего Петроградского губернатора о том, что в Изварское лесничество, Верестскому, Шлиссельбургскому и Долговскому лесничим, а также ревизорам I и II района Петроградской губернии был послан наказ о порядке приема и содержания военнопленных, сообщается также о поступлении в их распоряжение 1.500 военнопленных для работы по заготовке дров¹⁴⁶. Использовались военнопленные также на торфоразработках¹⁴⁷.

Одной из наиболее тяжелых, с точки зрения условий проживания, была работа военнопленных на Приладожских каналах — на дноуглубительных работах (в частности, на землечерпательных работах), а также на судоремонтных работах¹⁴⁸.

В Петроградской губернии военнопленные привлекались к работе также на промышленных предприятиях. В соответствии с порядком о предоставлении военнопленных на работы на промышленные предприятия работодатели обращались к Петроградскому губернатору с просьбой предоставления

¹⁴² ЦГИА СПб. Ф. 1697. Оп.1. Д. 151. Л. 5.

¹⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 2214. Оп. 1. Д. 42, Д. 46.

¹⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 866. Оп. 3. Д. 13.

¹⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1205. Оп. 7. Д. 670, Д. 671, Д. 887-889.

¹⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 3. Д. 4276. Л. 1.

¹⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 866. Оп. 3. Д. 13. Л. 6 об. – 7.

¹⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 921. Оп. 92. Д. 868. Л. 102 об. - 103; Ф. 921. Оп. 95. Д. 2696. Л. 3.

военнопленных в связи с нехваткой рабочих рук. В частности, 2 июня 1916 г. старший фабричный инспектор уведомляет Петроградского губернатора А. П. Сабурова о заявлении Управления Стеаринового и мыловаренного завода Невского стеаринового товарищества с просьбой предоставить военнопленных в связи с нехваткой рабочих рук¹⁴⁹. Привлекались также военнопленные-специалисты к работе в акционерном обществе Оптического и механического производств¹⁵⁰.

Среди необычных мест работы военнопленных можно назвать имение «Беззаботное», принадлежавшее княгине Анастасии Николаевне, где работали 20 военнопленных, все славяне¹⁵¹.

По всей стране отмечалась тенденция использования на хороших местах славян как более благонадежных, например, на сельхозработах (особенно в начале войны, до массовой мобилизации), на трамваях в Казанской губернии¹⁵². В Петроградской губернии большинство военнопленных были славянами, и их использовали на всех работах. Славяне работали и на хороших местах (например, в деревне Поги), и на сложных, тяжелых работах (на Приладожских каналах, на строительстве железных дорог). Стоит все же отметить, что, несмотря на небольшое количество военнопленных венгров (а также немцев) в Петроградской губернии во время Первой мировой войны, больше зафиксировано случаев побега именно этих категорий военнопленных. И бежали они с тяжелых мест работы, например, с работ по постройке железнодорожных линий Гостинополье–Чудово и Волхов–Рыбинск (Московско–Виндаво–Рыбинская железная дорога). Это говорит о том, что военнопленных не славян старались использовать именно на таких работах.

После революционных событий 1917 г. положение военнопленных изменилось. В декабре 1917 г. Совет народных комиссаров объявил об отмене всех видов принудительных работ для военнопленных¹⁵³. Однако уже во второй

¹⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 10. Д. 440. Л. 22.

¹⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 35.

¹⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 2214. Оп. 1. Д. 21. Л. 6.

¹⁵² Абдрашитов Э.Е. Общественное мнение и гуманитарная помощь военнопленным стран Тройственного союза в 1914-1915 гг. на территории Поволжья // Дискуссия. 2013. № 10. С. 181.

¹⁵³ Суржикова Н.В. Военный плен в Российской провинции (1914 — 1922 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. С. 410.

половине 1918 г. вступил в силу приказ Ценропленбежа № 38 об «установлении должного порядка в деле содержания военнопленных на работах правительственных, общественных и частных предприятий, а равно в лагерных, эвакуационных, сборно-распределительных и прочих пунктах»¹⁵⁴.

Военнопленных опять стали использоваться на разного рода работах. Могли использовать на работах, иногда называя их временными, прибывающих транзитом в Петроград военнопленных. Для зачисления военнопленных в «рабочие бригады» руководство последних обращалось к Совету австро-венгерских рабочих и солдатских депутатов в России. Военнопленные получали за работу оплату и пайки на тех же основаниях, что и красноармейцы. В связи с продолжающейся необходимостью постройки и ремонта железных дорог военнопленных посылали на их строительство, в частности, в 1920 г. австро-венгерских военнопленных отправили на строительство железнодорожной линии «Волхов–Рыбинск»¹⁵⁵, на переустройство Ириновской железной дороги¹⁵⁶. В отчетах Венгерской секции агитации и пропаганды при Петроградском Губкоме РКП(б) не раз упоминается необходимость привлечения находящихся в Петрограде военнопленных (венгров) к работе на субботниках. Такие работы тоже можно отнести к категории временных.

Советское государство попыталось использовать в своих целях также знания и опыт офицеров. Они представляли, особенно в условиях дефицита кадров, немалый интерес как военные и гражданские специалисты. Это иллюстрируется тем, что в середине августа 1920 г. из 102 переданных венгерских офицеров, из-под стражи было освобождено 20 специалистов¹⁵⁷, которых использовали в соответствии с их знаниями. Из-за недостатка квалифицированных кадров офицеров приглашали также для работы в военные школы. Так, в 1921 г. в Венгерскую Особую Военную школу были приглашены освобожденные из плена

---

¹⁵⁴ Там же. С. 422.

¹⁵⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-8921. Оп. 1. Д. 3 Л. 2.

¹⁵⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-8922. Оп. 1. Д. 10 Л. 5.

¹⁵⁷ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11170 Л. 6.

военные специалисты, офицеры-заложники Фурман и Слобода¹⁵⁸.

В Петроградской губернии военнопленные (главным образом славяне) были заняты на всех работах — на железных дорогах, в промышленных предприятиях, на сельхозработах, в лесничествах, а также на характерных для Петроградской губернии предприятиях, например, на Приладожских каналах. На строящихся железнодорожных линиях было занято большое количество военнопленных. На важность работы по постройке железных дорог указывает отправка в Петроградскую губернию военнопленные из других губерний. Имелась тенденция использовать военнопленных не славян на тяжелых работах, например, на постройке железных дорог. После революционных событий 1917 г., после небольшого перерыва военнопленных опять прикрепили к местам их работы и обязали работать, а за саботаж полагалось наказание. Использовали также в Петроградской губернии труд военнопленных, транзитом направлявшихся на родину, в основном на наиболее важных и срочных работах.

2.5. Отношения военнопленных с местным населением

Отношения с местным населением представляет одну из тем, которую в последнее время на разном материале анализируют исследователи военного плена Первой мировой войны. В основном эти исследования основываются на источниках личного характера, в некоторой степени на данных документальных источников. Как отмечают разные авторы, отношение к военнопленным местного населения было разным — от сочувствующего до неприязненного¹⁵⁹. Это отношение, конечно же, менялось и в разные периоды войны. На отношение к вражеским солдатам и, как их части, военнопленным, влияла политика

¹⁵⁸ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10699. Л. 13.

¹⁵⁹ Абдрашитов Э.Е. Общественное мнение и гуманитарная помощь военнопленным стран Тройственного союза в 1914-1915 гг. на территории Поволжья. С.180; Морозов Г.С. Проблема русского плена Первой мировой войны в современной отечественной историографии // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2015. № 4. С. 28; Кугуелов А.Г. Проблема военнопленных в годы Первой мировой войны. С. 97.

государства. Недоброжелательное отношение обострилось после получения известий о жестоком обращении с русскими военнопленными в Германии и Австро-Венгрии¹⁶⁰. Также отмечается, что местное население в разных регионах Российской империи к славянам относилось лучше, чем к не славянами¹⁶¹.

В рассматриваемых нами архивных документах, в силу их характера, об отношении местного населения к военнопленным сведений практически нет. Косвенным образом этого вопроса касается оценочное суждение в отчете Петроградскому губернатору из Петергофской управы: «...Русские подданные ... их неудовольствие и даже возмущение вполне естественно и справедливо особенно зная как содержатся наши пленные врагами»¹⁶². Насколько это восклицание отражает реальное отношение местного населения к пленным не вполне ясно, но оно, как минимум, демонстрирует позицию части русского общества.

Поскольку губернаторская власть была вынуждена полагаться на земства в вопросах, связанных с военнопленными, то показательны реакции, вызванные предложением министра внутренних дел в конце 1916 г. об ограничении продажи военнопленным продуктов питания¹⁶³. Мнения уездных земских управ Петроградской губернии сильно отличались. Шлиссельбургская управа была согласна с предложениями, добавив, что в условиях продовольственного кризиса это оправдано. Петергофская управа пошла дальше — от нее поступило пожелание вовсе воспретить покупку военнопленными продуктов питания в уезде: «...ограничение лишь полумера, на практике ни к чему бы не привела, необходим запрет полный». Большинство же уездных земских управ (Царскосельская, Гдовская, Лужская) высказалось против предложений министра. В Царскосельском уезде свое мнение аргументировали тем, что военнопленных в уезде мало (3.930 человек, что является, тем не менее, самым высоким показателем по губернии) и

---

¹⁶⁰ Захаров А.В. Военнопленные Первой мировой войны в сельском хозяйстве Поволжья. С. 170.

¹⁶¹ Абдрашитов Э.Е. Восприятие крестьянским сообществом немецких и австро-венгерских военнопленных в 1914 г. (на примере Казанской губернии). С. 64-66.

¹⁶² ЦГИА СПб. Ф. 2214. Оп. 1. 21. Л. 6.

¹⁶³ ЦГИА СПб. Ф. 2214. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

они находятся в таком положении, которое не дает им возможность спекулировать. В Гдовском уезде свое мнение аргументировали тем, что военнопленные получают продукты «от (железной) дороги в строгих нормах», кроме того, их число не велико, а работы, на которых они заняты, имеют временный характер. В Лужском уезде без дополнительных пояснений заявили о том, что предложенные меры не требуются¹⁶⁴.

Более конкретно характеризует отношение местного населения к военнопленным рапорты полицейских. Так, в упомянутом выше рапорте новолодожского уездного исправника говорится, что военнопленные, свободно разгуливая по селениям, общаются с населением и особенно с женщинами. Тем не менее, тот же исправник упоминает, что их прогулки наводят на население ужас и могут вызвать самосуд со стороны крестьян¹⁶⁵. Возможность самосуда, вероятно, была вызвана тем, что военнопленные крали у этих крестьян сено. Об отношении местного населения может свидетельствовать также случай, описанный в рапорте пристава Царскосельского уезда, который докладывает, что в начале 1917 г. мещане деревни Поги Андриета Тимак и ее сын Владимир Тимак укрывали беглого военнопленного Юрко Христопо¹⁶⁶. Деревня Поги упоминается в похожем контексте также в секретном сообщении Петроградского губернатора М. Н. Толстого в Штаб главного начальника Петроградского военного округа от 12 октября 1916 г. о том, что в селе Лисино и деревне Поги Царскосельского уезда военнопленные свободно разгуливают по деревне с крестьянскими девушками, исполняют поручения местных жителей¹⁶⁷.

Отношения военнопленных с местными жительницами иногда заканчивались заключением брака. Так, военнопленный Николай Паско, работающий на Приладожеских каналах, подал рапорт от 25 января 1917 г. инженеру Карпову о том, что он желает вступить в брак с жительницей г.

---

¹⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2214. Оп. 1. 21. Л. 5-12.

¹⁶⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 110. Л. 181.

¹⁶⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 151. Л. 7.

¹⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 622. Л. 1, 1 об.

Шлиссельбурга М. А. Буковой¹⁶⁸.

В Петроградской губернии отношение к военнопленным, в целом, было не враждебным со стороны местных жителей, особенно жителей сельской местности. Вызывали военнопленные негативное отношение у местных жителей в тех случаях, если они ущемляли права (например, крали сено) или чем-либо мешали (гуляли по селу по ночам). Такому вполне мирному отношению противопоставлялось официальное отношение на государственном уровне.

2.6. Отношение военнопленных с властями и благотворительными организациями

На условия плена определенное влияние оказывали различные благотворительные организации, часто национальной направленности. Особую активность проявляли славянские организации. Причинами этого являются панславистские идеи, которые находили поддержку у российского государства, и проживание в России большого числа славян тех наций (например, поляков), которые воевали на стороне Австро-Венгрии.

24 января 1915 г. председатель совета Всероссийского Попечительства о пленных славянах обратился к Петроградскому губернатору А. В. Адлербергу, говоря о том, что славяне Австро-Венгрии вынуждены сражаться против России «под дулом револьверов», и, ссылаясь на «братские чувства ... к единым по вере и крови славянским народам», заявленным императором Николаем II в манифесте от 20 июля 1914 г., просил о содействии губернских властей в готовящихся мероприятиях, которые должны были находиться в рамках его устава, утвержденного министром внутренних дел 30 октября 1914 г. Содействие подразумевало следующее: «предоставление необходимых местных данных о военнопленных», «указание лиц, могущих содействовать успеху деятельности

---

¹⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 921. Оп. 95. Д. 151. Л. 131.

Попечительства на местах», помощь «в организации местных отделов как в губернском городе, так и в местах распределения, передвижения или постоянного пребывания военнопленных, и в работе таковых отделов»¹⁶⁹.

Действовали в Петербурге и национальные славянские организации. С просьбой разрешить обращение среди военнопленных инвалидов чехов и словаков издававшейся в Петербурге газеты «Чехословак» обратилось правление Союза Чешских обществ, на что было получено разрешение¹⁷⁰.

Помощь военнопленным оказывали также отдельные личности, которым выдавалось на это разрешение. В приказах начальника штаба Петроградского военного округа от 11 мая 1916 г. и 1 июня 1916 г. говорится о том, что Главный начальник Петроградского военного округа приказал беспрепятственно допускать в пункты нахождения военнопленных Э. П. Ричебольского¹⁷¹ и П. Ф. Мороз¹⁷² для оказания пленным полякам благотворительной помощи, а от 25 июля 1916 г. — приказ о допуске подпоручика Сербской дивизии Душан Семиз¹⁷³. Для осмотра военнопленных инвалидов в октябре 1915 г. лазарет в Сосновых бараках посетил член Северо-Американского филантропического общества Харт¹⁷⁴.

Часть военнопленных славян переходила в русское гражданство. В начале войны эти прошения чаще не удовлетворяли, подтверждением чему является дело рядового 45-го пехотного полка австрийской армии Владислава Сливинского, который, по его словам, был вывезен из России матерью, которая вышла замуж за австрийского подданного, и ходатайствовал в августе 1915 г. о переходе в российское гражданство¹⁷⁵. В этом ходатайстве В. Сливинскому было отказано до окончания войны. В дальнейшем такие ходатайства удовлетворялись, подтверждением чему может служить рапорт, датированный маем 1917 г., начальника Петроградского округа путей сообщения Н. Е. Андреевского в Управление внутренних водных путей «о желании перейти в русское подданство

¹⁶⁹ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 2. Д. 1269. Л. 1-2.

¹⁷⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-5846. Оп. 1. Д. 27. Л. 190.

¹⁷¹ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 619. Л. 1.

¹⁷² ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 619. Л. 3.

¹⁷³ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д. 619. Л. 6.

¹⁷⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-5846. Оп. 1. Л. 724.

¹⁷⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-5846. Оп. 1. Л. 315.

добровольно сдавшихся чешских военнопленных, работающих на предприятиях округа». Некоторые военнопленные, работавшие в Петроградской губернии, выражали желание вступать в воинские формирования — в Чехословацкий корпус¹⁷⁶, в румынскую армию¹⁷⁷, во 2-ю Сербско-славянскую дивизию¹⁷⁸.

После подписания Брестского мирного договора в марте 1918 г. помощь военнопленным не славянам в Петроградской губернии оказывали Германское благотворительное общество и Шведская королевская миссия, которые помогали военнопленным германским подданным. В Петрограде был устроен приют для германских подданных, в котором они временно проживали, далее их интернировали в Германию¹⁷⁹.

После революционных событий 1917 г. некоторые военнопленные изъявляли желание или просто соглашались работать на советскую власть. Это касалось также офицеров. Они работали как специалисты на разных предприятиях, а также в организациях, имеющих отношение к Красной Армии и РКП(б), например, в Венгерской Высшей Особой Военной школе, в которой готовились будущие командиры Красной Армии.

После октябрьских революционных событий стали создаваться национальные секции РКП(б), в том числе в 1920 г. была создана Венгерская секция при Петроградском Губкоме РКП(б). Рядовыми членами, а также руководящими кадрами секции были бывшие военнопленные солдаты и офицеры австро-венгерской армии. Большая их часть к тому времени была членами РКП(б). В Петрограде действовал также Совет австро-венгерских рабочих и солдатских депутатов в России, который, в частности, координировал действия властей по отношению к военнопленным австро-венгерской армии, в том числе тех, которые прибывали в Петроград транзитом.

В отношении военнопленных в Петроградской губернии проводилась та же политика властей, что и в других регионах — действовали благотворительные

---

¹⁷⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 847. Л. 161.

¹⁷⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 191. Л. 163.

¹⁷⁸ ЦГИА СПб. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 191. Л. 176.

¹⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 378. Оп. 1. Д. 39.

общества, в том числе национальной направленности, помощь оказывали также представители иностранных благотворительных организаций. Особенностью Петроградской губернии, точнее Петрограда, являлось то, что в нем располагались штаб Германского благотворительного общества и Шведская королевская миссия, которые имели возможность более непосредственно оказывать помощь военнопленным. Особенностью Петроградской губернии, и особенно Петрограда, является их близость к границе с Финляндией, куда с 1915 г. отправляли военнопленных инвалидов для обмена на военнопленных инвалидов российской армии, а с 1918 г. стали проводить массовую репатриацию военнопленных.

Сотрудничество с властями наблюдалась как до октябрьских событий 1917 г., так и после них. Определялись они как политическими взглядами военнопленных, так и их потребностями. Если до революции были образованы славянские и румынские воинские образования – Чехословацкий корпус, румынская армия, 2-я Сербско-славянская дивизия, то после революции стали образовываться и другие интернациональные отряды, принимавшие участие в военных действиях на фронтах гражданской войны, например, *Отряд Особого Назначения* (венгерский). Отмечается, что всего в России на фронтах Гражданской войны за советскую власть воевало около 100 тысяч бывших венгерских военнопленных¹⁸⁰. Примечательно, что после революции сотрудничать с советской властью стали также офицеры, которые не являлись членами РКП(б), в частности, венгерские офицеры. Объяснить это можно только необходимостью выживания.

2.7. Эвакуация военнопленных

Петроград был одним из пунктов, через которые шла отправка военнопленных на родину. В течение Первой мировой войны на родину отправляли военнопленных инвалидов¹⁸¹. Через Петроград их отправляли в

¹⁸⁰ Дьени Г. Русская революция и Венгрия // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. Т.19, №3 (166). С. 120-127.

¹⁸¹ Васильева С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. С.108.

Швецию для обмена на русских военнопленных инвалидов. В ЦГА СПб отложились документы, сообщающие о мероприятиях, связанных с этим вопросом.

В докладе Заведующего эвакуацией Петроградского военного округа генерал-майора Павлова говорится о том, что в телефонограмме от 12 апреля 1915 г. он был уведомлен о том, что «с Высочайшего соизволения по соглашению между заинтересованными сторонами будет произведен обмен военнопленными калеками, таковых пленных предположено отправлять к себе на родину через шведскую границу и ввиду этого признано необходимым означенных пленных предварительно группировать в Петрограде, а оттуда уже отдельными поездами отправлять до шведской границы»¹⁸².

Первая партия военнопленных инвалидов прибыла в Петроград 23 июля 1915 г.¹⁸³, а первый рапорт об отправке военнопленных инвалидов в Швецию датирован 28 июля 1915 г. Сначала предполагалось отправлять поезда в Швецию (Торнео) один раз в неделю¹⁸⁴, однако на практике отправлялись они 3 раза в неделю¹⁸⁵. Среднее количество партии отправляемых в Швецию военнопленных было 250-350 человек.

Общая численность военнопленных инвалидов, переправленных через Петроград за период с 28 июля 1915 г. по 14 ноября 1917 г. — 20.925¹⁸⁶. Военнопленные доставлялись на санитарных поездах в Петроград, в частности, из Москвы (10-го Сводного госпиталя), куда военнопленные поступали из других мест, в частности, из Двинского Тылового Эвакуационного пункта, из Саратова, Двинска, Ташкента, Хорвина, Вильно, Витебска¹⁸⁷ и других мест. Списки военнопленных, отправляемых на санитарных поездах, состоят отдельно из военнопленных австро-венгерской, немецкой и турецкой армий, отдельно солдат, офицеров и врачей. Большинство отправленных составляют солдаты австро-

¹⁸² ЦГА СПб. Ф. Р-5846. Оп. 1. Д. 27. Л. 7.

¹⁸³ ЦГА СПб. Ф. Р-5846. Оп. 1. Л. 25.

¹⁸⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-5846. Оп. 1. Л. 50.

¹⁸⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-5846. Оп. 1. Л. 349.

¹⁸⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-5846. Оп. 1. Д. 118. Л. 728.

¹⁸⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-5846. Оп. 1. Д. 27. Л. 25, Л. 36, Л. 34, Л. 42, Л. 40, Л. 48.

венгерской армии. К рапортам прилагаются списки отправляемых, в которых отдельно указываются офицеры, нижние чины и врачи.

Количество отправленных военнопленных инвалидов с 1915 по 1917 гг. выглядит следующим образом:

1915 г. - 4650 военнопленных (из них австро-венгерской армии — 3.698, германской армии — 962),

1916 г. - 8867 военнопленных (из них австро-венгерской армии - 7445, германской армии — 1422),

1917 г. (14.11.1917) — 7408 военнопленных (из них австро-венгерской армии — 7.114, германской армии — 69, турецкой армии — 225)¹⁸⁸.

Американский историк Р. Нахтигаль указывает количество военнопленных инвалидов, репатриированных к концу 1917 г. 22.000, что примерно соответствует указанному выше количеству за 1915 – 1917 гг.¹⁸⁹.

В документах указываются болезни и увечья военнопленных и приводятся различные причины признания военнопленных инвалидами, большая часть из них — травматического характера и осложнения после них (ампутации, ранения с осложнениями), а также болезни, которые можно считать результатом низкого уровня жизни — туберкулез, хронический ревматизм, воспаление почек и другие болезни, для офицеров также — душевные болезни. Отмечается также попытка военнопленных выдать себя за инвалидов с целью возвращения на родину. Эти попытки старались предотвращать, для этого проводили освидетельствования специальными комиссиями¹⁹⁰, а потом отправляли во внутренние районы России как не нуждающиеся больше в лечении¹⁹¹.

В связи с тем, что Петроград был пересылочным пунктом, в городе были созданы специализированные места для оказания медицинской помощи военнопленным, следующим этапом в другие места. В одном из рапортов начальнику Этапно-Эвакуационного пункта говорится об «открытии в казармах

¹⁸⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-5846. Оп. 1. Д. 118. Л. 728.

¹⁸⁹ Нахтигаль Р. Военнопленные в эпоху Первой мировой войны. С. 151.

¹⁹⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-5846. Оп. 1. Д. 27. Л. 193.

¹⁹¹ ЦГА СПб. Ф. Р-5846. Оп. 1. Д. 27. Л. 537.

Лейб-Гвардии Московского полка Эвакуационного Этапного Пункта для военнопленных калек, предназначенных к обмену»¹⁹². Такой госпиталь должен был вмещать 400 человек на все время войны, поскольку отправлять тоже предполагалось по 400 военнопленных на одном поезде. Для этих целей был выделен отремонтированный каменный флигель, но отдельных помещений для офицеров в нем не предусматривалось¹⁹³. В этом госпитале должны были ждать отправки в Швецию выздоровевшие, а больных и офицеров отправляли в Николаевский военный госпиталь¹⁹⁴. О госпитале для военнопленных говорится в рапортах, составленных главным врачом Военно-Эвакуационного госпиталя № 108, который находился в ведении 134-го Петроградского Тылового Распределительного Эвакуационного Пункта. Упоминается, что этот госпиталь располагался на о. Голодай. В сентябре 1915 г. госпиталь переместился в Сосновские бараки (лазарет № 237 Сосновские бараки для туберкулезных)¹⁹⁵. Этот пункт подчинялся уже не Петроградскому Тыловому распределительному пункту, а являлся лазаретом Всероссийского Союза городов¹⁹⁶.

В некоторых случаях, как это произошло с германским военнопленным Августо Хочко, которого подозревали в шпионаже, пересылаемых этапом военнопленных помещали в лечебные учреждения, не предназначенные специально для них, например, в больницу Петроградской Пересыльной тюрьмы¹⁹⁷.

Подписание декрета о мире 26 октября 1917 г. привели к договоренности о возвращении на родину раненных и больных военнопленных. По условиям Брестского мирного договора, подписанного в марте 1918 г., советское правительство обязалось обеспечить процесс возврата военнопленных, находящихся в России, на родину. Вначале репатриации подлежали иностранные подданные, признанные непригодными к военной службе, а после подписания

---

¹⁹² ЦГА СПб. Ф. Р-5846. Оп. 1. Д.27. Л. 3.

¹⁹³ ЦГА СПб. Ф. Р-5846. Оп. 1. Д.27. Л. 7, 7об., 8, 8 об.

¹⁹⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-5846. Оп. 1. Д.27. Л. 24, 24 об.

¹⁹⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-4856. Оп. 1. Д. 27. Л. 320.

¹⁹⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-4856. Оп. 1. Д. 27. Л. 628.

¹⁹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 10. Д.580. Л. 1.

Брестского мирного договора процесс репатриации охватил все категории иностранных военнопленных¹⁹⁸.

Петроградская губерния как транзитный пункт приняла на себя большое бремя по содержанию и отправлению на родину военнопленных, следующих из глубинных губерний. В Петроград прибывали эшелоны военнопленных немецкой и австро-венгерской армий, которые дальше следовали в Швецию. О количестве отправляющихся в Венгрию военнопленных говорят следующие цифры: за ноябрь 1920 г. было отправлено около 20.000, за декабрь 1920 г. – около 9.000 венгерских военнопленных¹⁹⁹. Некоторую часть военнопленных оставляли в заложниках. Это касается, в частности, офицеров австро-венгерской армии, в том числе венгров, для обмена на коммунистов, содержащихся в плену в хортистской Венгрии, и их семьи. Основная масса австро-венгерских военнопленных была репатриирована к 1921 г., что совпадает с прекращением деятельности Венгерской секции агитации и пропаганды при Петроградском Губкоме РКП(б), основной целью которой была агитационная работа с военнопленными венграми, отправляющимися на родину.

---

¹⁹⁸ Суржикова Н.В. Военный плен в Российской провинции (1914 — 1922 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. С. 410.

¹⁹⁹ Сборник материалов Петроградского комитета РКП(б). С. 35. URL: https://archive.org/details/sbornik_materialov_peterburgskogo_komiteta_rkp_II_1920 (дата обращения 20.04.2023).

Глава 3. Деятельность национальных секций агитации и пропаганды при Петроградском Губкоме РКП(б)

С 1918 г. в Петрограде стали создаваться национальные секции при Петроградском Губкоме РКП(б)²⁰⁰. Их создание и деятельность были напрямую связаны с военнопленными, которые находились в Петроградской губернии – либо проживали в губернии, либо направлялись через Петроград на родину.

В Петрограде были созданы следующие национальные секции:

- 1) славянские: белорусская, польская, украинская, чехословацкая, югославская;
- 2) не славянские: венгерская, еврейская, китайская, корейская, латышская, литовская, мусульманская (татаро-башкирская), немецкая, эстонская, финская, французская.

Секции были образованы в 1918 – 1920 гг. Большая их часть была ликвидирована в 1921 г.²⁰¹.

В Петроградской губернии, как было сказано выше, находились в основном военнопленные славяне. Национальные секции занимались в также вопросами, связанными с военнопленными, проживающих на территории губернии. В этом отношении славянские национальные секции имели большее значение в Петроградской губернии, чем не славянские. В то же время через Петроград проходило большое количество военнопленных, возвращающихся на родину, так же как ранее проходило большое количество военнопленных инвалидов, которых переправляли в Швецию. Уезжающие на родину военнопленные были разных национальностей и разного гражданства, в основном австро-венгерского. Поэтому роль не славянских секций возросла. В немалой степени это касается Венгерской секции, потому что возвращались венгры на родину, в которой советское руководство ожидало реванша революции.

---

²⁰⁰ Их названия в документах ЦГА ИПД СПб несколько различаются. Для единообразия в работе принимается указанный вариант с указанием национальной принадлежности.

²⁰¹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10676. Д. 10751.

В этой главе рассматривается деятельность Венгерской секции при Петроградском Губкоме РКП(б). Сделано это по нескольким причинам. Во-первых, эта национальная секция была выбрана в качестве примера, на основе которого можно проиллюстрировать деятельность национальных секций в Петроградской губернии, отличительной чертой которой является ее транзитный характер. С другой стороны, Венгерская секция относится к неславянским, чья роль в Петроградской губернии возросла в связи с тем же транзитом военнопленных на родину. И в-третьих, рассмотрению деятельности венгерских секций в отечественной историографии уделяется недостаточно внимания.

3.1. Создание, состав и структура Венгерской секции агитации и пропаганды при Петроградском Губкоме РКП(б)

Создание Венгерской секции

Венгерская секция при Петроградском Губкоме РКП(б) была создана в 1920 г. В то же время венгерские военнопленные, как и окружавшее их местное население, стали создавать свои организации еще в конце 1917 – начале 1918 гг.: социал-демократические организации, союзы и комитеты рабочих и крестьян.

Основные массы военнопленных-венгров, как и прочих не славян, размещались преимущественно на периферии, подальше от линии фронта и центральных российских городов. Тем не менее, в силу столичного положения Петрограда, местные организации военнопленных были в этот период одними из важнейших. В Петрограде в конце 1917 г. Бела Кун встретился с В. И. Лениным, оформив отношения венгерских коммунистов с РКП(б). В Петрограде стали издавать одну из первых революционных российских газет на венгерском языке — «Nemzetközi Szociálista» (Интернационалист-социалист), там же был создан один из первых интернациональных отрядов (в котором состоял Б. Кун), сражавшийся под Нарвой и Псковом²⁰². Также в Петрограде в конце 1917 г. силами

²⁰² Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР. Сборник документов.

военнопленных был переведен на венгерский язык «Декрет о мире», с копиями которого предполагалось ознакомить солдат на фронте²⁰³.

Первая *общегородская организация военнопленных Петрограда* была создана в результате митинга 16 декабря 1917 г., она объединила уже существовавшие организации. Митингом руководил один из будущих руководителей Венгерской группы при ЦК РКП(б) Э. Рудзянский, приветствовавший собравших от имени Московской организации военнопленных²⁰⁴. А через два месяца, 17 февраля 1918 г., опять же на крупном митинге военнопленных в Петрограде, был создан *Социал-демократический революционный центр военнопленных*.²⁰⁵

Значение Петрограда уменьшилось после марта 1918 г., когда столица была перенесена в Москву. Однако он оставался важным пунктом агитации и пропаганды²⁰⁶, через который осуществлялось возвращение бывших военнопленных в Венгрию как во время войны, так и после ее окончания.

Первая Венгерская группа при ЦК РКП(б) была создана в Москве 24 марта 1918 г. Это была первая центральная организация венгерских коммунистов. Ее председателем стал Бела Кун. Группа являлась частью РКП(б) и копировала организацию партии большевиков²⁰⁷. Основной задачей провозглашалась подготовка социалистической революции в Венгрии²⁰⁸. Как шаг на пути к этому группа рассматривала объединение всех венгерских военнопленных на территории России. С этой целью в Москву были приглашены делегаты от местных групп, а в города, через которые проходили большие массы венгерских военнопленных, рассылались агитаторы. При этом, к стихийно сформировавшимся организациям военнопленных Венгерская группа относилась прохладно, соглашаясь сотрудничать с ними, но подчеркивая, что поддерживает только организацию по

Т. 1. С. 10.

²⁰³ Там же. С. 26-27.

²⁰⁴ Там же. С. 37.

²⁰⁵ Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917-1922). С.48-49

²⁰⁶ Там же. С. 355.

²⁰⁷ Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР. Сборник документов. Т. 1. С. 74.

²⁰⁸ Там же. С. 65.

большевистскому образцу, тогда как во многие из тех организаций мог попасть кто угодно²⁰⁹.

В середине апреля 1918 г. в Москве прошел Всероссийский съезд военнопленных, созванный комитетом военнопленных социал-демократов интернационалистов Московского военного округа. В результате была создана *Революционная интернационально-социалистическая организация иностранных рабочих и крестьян*, призванная координировать деятельность национальных групп, в том числе и венгерской²¹⁰. До марта — апреля 1918 г. Венгерская группа хоть и являлась центральной организацией в России, но связь с местными объединениями была слабой. С конца 1918 — начала 1919 гг. местные венгерские организации постепенно ликвидировались по решению ноябрьской (1918 г.) конференции коммунистов из бывшей Австро-Венгрии и центральной Венгерской группы. Делалось это с целью концентрации венгерских коммунистов на территории Венгрии, где в это время разворачивалась борьба за власть. Для этого с 1 января 1919 г. почти всех членов Венгерской группы обязали вернуться в Венгрию²¹¹.

В своем отчете о деятельности за 1919 г. центральная Венгерская группа упоминает о ликвидации групп в ряде крупных городов, и о сохранении сокращенных групп только в Москве, Самаре, Астрахани и Саратове. В период существования Венгерской советской республики (21 марта – 6 августа 1919 г.) ячейки Венгерской группы существовали там, где в них была насущная необходимость — в местах концентрации венгров.

После падения Венгерской советской республики и возвращения части венгерских коммунистов в Россию, а также победы над Колчаком в Туркестане вопрос объединения находящихся в России венгров опять стал актуальным. Для объединения был избран путь полного слияния местных организаций — отделов, групп, кружков — с Центральной Венгерской группой. В декабре 1919 г., после

---

²⁰⁹ Там же. С. 76-78.

²¹⁰ Там же. С. 95-96.

²¹¹ Там же. С. 355.

принятия нового устава РКП(б), была разработана инструкция об организации венгерских отделов агитации и пропаганды, в которой отмечалось, что это уже состоявшаяся форма организации. Как центральная, так и слившиеся с ней местные венгерские группы, становились исключительно агитационными и пропагандистскими отделами при местных губернских комитетах РКП(б). Никакие национальные коммунистические организации за пределами РКП(б) на территории России не допускались. Члены национальных отделов входили в местные организации РКП(б) на тех же основаниях, что и местные коммунисты. На них распространялись все положения устава РКП(б).

Помимо национальных отделов агитации и пропаганды существовали также *иностраные Советы рабочих и крестьян* (до осени 1919 — *Австро-Венгерские Советы*), объединенные в Федерацию иностранных Советов, в том числе и *Венгерский Совет рабочих и солдатских депутатов*, находившийся под влиянием Центральной Венгерской группы. Также после падения Венгерской советской республики образовалось заграничное бюро КП Венгрии, с которым Центральная Венгерская группа сотрудничала.

Для руководства работой венгерских групп было создано *Центральное бюро венгерских секций агитации и пропаганды* РКП(б), располагавшееся в Москве. После этих изменений центральному руководству Венгерской группы пришлось позаботиться о наборе новых кадров для местных венгерских секций агитации и пропаганды. В Москве к концу 1919 г. уже успешно работала вновь открытая партийная школа. Таким образом восполнялся недостаток необходимых партийных работников, рассылавшихся по стране. Тем не менее, в Петроград к концу 1919 г. агитаторы отправлены еще не были²¹².

Первый существенный шаг в этом направлении был сделан 12 февраля 1920 г., когда Венгерская группа РКП(б), расположенная в Москве, обратилась к представителям агитационных отделов при Петроградском губернском комитете партии и другим петроградским венгерским партийным организациям («еще не

---

²¹² Там же. С. 260-267.

перестроенные венгерские партийные организации») с целью созвать совещание с 21 по 23 марта в Москве и прислать на него своих представителей с мандатами. Дата была приурочена к дате создания Венгерской советской республики. В обращении говорилось, что группа хочет создать единую организацию, разместить агитпункты там, где это необходимо и подготовить новых агитработников²¹³.

Венгерская секция агитации и пропаганды в Петрограде появляется лишь 15 июня 1920 г. К этому времени при Петроградском Губкоме РКП(б) уже существовали Польская, Финская, Латышская, Эстонская, Масульманская секции²¹⁴. Создание венгерского агитотдела в Петрограде было вызвано тем, что прерванный после поражения Венгерской советской республики обмен военнопленными между Советской Россией и Венгрией был возобновлен во второй половине 1920 г.²¹⁵. Город являлся тем местом, где в последний раз можно было вести полноценную агитработу среди венгров. Также необходимо было не допустить контрреволюционной агитации и своевольному возвращению венгерских офицеров, которых предполагалось обменивать у Хортистского правительства на пленных коммунистов и их семьи. Агитотдел осуществлял все эти функции, а также обеспечивал беспрепятственную отправку венгерских членов партии на родину²¹⁶.

Такое внимание к агитации среди военнопленных объясняется тем, что российское правительство и венгерские коммунисты в эмиграции, несмотря на разгром Венгерской советской республики в 1919 г., не считали борьбу оконченной. Тем не менее, венгерским коммунистам пришлось пересмотреть свою тактику и определить новые задачи на пути ко второй Венгерской советской республике.

---

²¹³ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11169. Л. 1.

²¹⁴ Сборник материалов Петроградского комитета РКП(б). С. 33. URL: https://archive.org/details/sbornik_materialov_peterburgskogo_komiteta_rkp_II_1920 (дата обращения 20.04.2023).

²¹⁵ Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР. Сборник документов. Т. 1. С. 16.

²¹⁶ Там же. С. 355.

Состав и структура Венгерского отдела агитации и пропаганды при Петроградском Губкоме РКП (б)

Основанный в середине июня 1920 г. Венгерский отдел агитации и пропаганды при Петроградском Губкоме РКП(б) к 18 сентября насчитывал 14 человек. Для сравнения: к 15 сентября 1920 г. Латышская секция насчитывала 870 членов, Польская секция – 900 членов, Финская секция – 953 членов²¹⁷. Отметим, что и вплоть до своей ликвидации Венгерская секция не была многочисленной. 10 из 14 членов Венгерской секции были членами партии, 4 были сочувствующими. Последние были ранее направлены, как и прочие военнопленные, домой в Венгрию, но, узнав о ситуации в стране, решили остаться в России на положении рабочих. Десять членов партии имели долгий опыт партийной работы, некоторые из них принимали участие в революционных событиях в Венгрии. Из этих десяти, девять были командированы на постоянную партийную работу в Петроград, а один «работал в другом советском учреждении».

Большинство членов секции, в том числе его руководство, ранее воевали в австро-венгерской армии, были военнопленными, которые приняли революцию и перешли на сторону Красной Армии. Так, будущий секретарь Венгерского Бюро Я. Ожват был младшим унтер-офицером, в Красной Армии воевал командиром роты. Воевали в австро-Венгерской армии политработники П. Дюла (старший унтер-офицер), Л. Ференц (подпоручик), Е. Ене (прапорщик). Из них только один не служил в Красной Армии – Л. Ференц²¹⁸. Интересен социальный состав секции на примере представителей Бюро секции (его состав менялся каждый месяц) – учитель (первый секретарь Бюро Я. Кальдор), зубной врач, приказчик, маляр, эконом, типографист, скульптор, башмачник²¹⁹. Соответственно, в Венгерскую секцию, в том числе в ее руководство, входили бывшие военнопленные, служившие в армии Австро-Венгрии в основном младшими офицерами, с самыми разнообразными гражданскими профессиями.

²¹⁷ Сборник материалов Петроградского комитета РКП(б). С. 34. URL: https://archive.org/details/sbornik_materialov_peterburgskogo_komiteta_rkp_II_1920 (дата обращения 20.04.2023).

²¹⁸ ЦГА ИПД СПб. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 4 Л. 1.

²¹⁹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11178. Л. 1.

Таким образом, на начало осени 1920 г., имея только 9 постоянных работников, которым приходилось иметь дело, по их же оценке, с 2000 военнопленных каждую неделю, секция имела дефицит кадров, о чем сообщала в своем докладе Московской конференции венгерских коммунистов. Также в докладе добавлялось, что из-за этого дефицита секция «не может добиться должных результатов»²²⁰.

Первое общее собрание Венгерской секции прошло 31 июля 1920 г. Программой звучит речь председателя собрания и первого секретаря секции Яноша Кальдора. Он характеризовал положение в мире как тяжелое, «момент, когда решается судьба мирового пролетариата», и сделал вывод, что поэтому так важна работа с военнопленными, пока находящимися в России и что основная задача венгров, находящихся в России — способствовать освобождению Венгрии силами Красной Армии. Он также отмечает то, что пока в этом направлении нет успехов, и усилия нужно сконцентрировать на том, чтобы «неустанно готовить ... и ознакомлять с их задачами» военнопленных, отправляющихся на родину, при этом необходимо отправлять в Венгрию тех, «кому близка пролетарская Революция», прочих стоит придерживать в качестве заложников²²¹.

В секции существовали следующие должности: секретарь, помощник секретаря, агитатор, политработник, делопроизводитель-машинистка и, как отдельная должность, отмечен «член Бюро». Имеются должности «ответственный организатор и лектор», «лектор среди румын»²²². Агитацией в том или ином объеме занимались все члены отдела. Согласно финансовым документам, отложившимся в ЦГА ИПД СПб, сотрудники отдела получали заработную плату и пайки.

Согласно вышеупомянутому уставу РКП(б) 1919 г., для ведения текущих дел сроком на месяц Венгерской секцией избиралось *Бюро* в составе 3-х человек. Бюро Венгерской секции было выбрано на первом общем собрании секции 31 июля 1920 г. В Бюро были выбраны Л. Вайс, И. Гасс и Я. Кальдор. Е. Алекси

²²⁰ Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР. Сборник документов. Т. 1. С. 356.

²²¹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11170. Л. 1.

²²² ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 969. Л. 1-9.

«остался кандидатом (в Бюро)». Первым секретарем Бюро стал Я. Кальдор. В этой должности он пробыл предположительно до начала — середины апреля 1921 г., когда был откомандирован ЦБ в г. Ямбург в качестве представителя ЦБ²²³.

Уже в сентябре 1921 г. было принято решение о расформировании венгерской секции при ЦК РКП(б)²²⁴. Наряду с другими национальными секциям при Петроградском Губкоме (Чехословацкой, Югославянской и Корейской) в октябре 1921 г. была ликвидирована и венгерская секция агитации и пропаганды. Причинами этого являлась отправка большинства желающих вернуться на родину и снижение веры советского руководства в скорую мировую революцию. Венгерская секция была передана Коминтерну²²⁵.

3.2. Деятельность Венгерской секции агитации и пропаганды при Петроградском Губкоме РКП(б)

Главной задачей венгерского отдела агитации и пропаганды при Петроградском Губкоме РКП(б) была, как ясно из названия, агитация и пропаганда. Кроме выполнения задач агитации, отдел занимался и рядом других вопросов, касавшихся венгерских солдат и офицеров. Среди этих вопросов выделяются следующие направления: надзор за военнопленными (особенно за офицерами); партийный суд и разбор конфликтов внутри венгерской секции; помощь коммунистам, едущим в Венгрию; помощь в эвакуации военнопленных на родину; прием гостей из Венгрии; организация трудовой деятельности военнопленных, в т.ч. субботников; представление интересов венгров и венгерских организаций (например, Высшей Венгерской Особой военной школы).

Агитация и пропаганда

Для достижения этих целей сотрудники секции прибегали к разнообразным

---

²²³ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10699. Л. 3.

²²⁴ Желицки Б. Й. Венгерские эмиграционные волны и эмигранты. Середина XIX — конец 50-х годов XX века. С. 167.

²²⁵ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10676. Л. 1.

методам воздействия на свою «аудиторию» — в основном венгерских военнопленных, возвращавшихся на родину: прямая агитация (прочтение лекций со вполне определенным призывом); прочтение общеобразовательных лекций (формирование коммунистического мировоззрения); экскурсии (ознакомление с культурой и достижениями Советской России); издание газет и брошюр.

Главной группой, на которую была нацелена агитация Венгерского отдела, были венгерские военнопленные, главным образом солдаты. К венгерским офицерам относились как к неблагонадежным и предрасположенным к контрреволюции элементам. Их рассматривали в основном как заложников и, иногда, как ценных специалистов. В период деятельности секции агитации и пропаганды венгерские военнопленные массово возвращались на родину, и в интересах Советской России и возрождения Венгерской советской республики было распространить среди них, пока имелась такая возможность, коммунистические идеи. Петроград являлся зачастую последним крупным советским городом на пути в Венгрию. В основном военнопленные не задерживались в нем на длительное время. Представители Венгерской секции агитации и пропаганды жаловались в 1920 г., что им с их скромными людскими ресурсами приходится иметь дело с примерно 2000 возвращающимися на родину военнопленными в неделю. Соответственно, за время одной-двух недель военнопленным старались показать, кто виноват в бедствиях, охвативших Европу (примеры лекций: «Классовая борьба и революция», «Международное положение», «Последствия империалистической войны»), и в частности Венгрию (пример лекции: «Белая Венгрия»), и объяснить смысл русской революции (пример лекций: «Красная Россия», «Конституция Советской России», «Русская революция»). Также их старались ознакомить с основными положениями коммунистической идеологии (пример лекций: «Земельный вопрос», «Коммунистическая партия», «Религия и коммунизм») и объяснить, чего от них ожидают на родине (пример лекций: «Задачи на родине», «Задачи венгерского пролетариата»). Главное было посеять в военнопленных недоверие к

правительству Хорти, чтобы по приезде в Венгрию они были более внимательны к пропаганде местных коммунистов (которые уже не могли агитировать так открыто, как в России), а в случае повтора революционных событий обеспечили бы Коммунистической Партии Венгрии широкую поддержку²²⁶.

Важной задачей пропаганды было показать, что Россия при большевиках является культурной страной и идет по пути восстановления хозяйства и улучшения условий жизни. А условия были тяжелыми и для российских граждан, и для военнопленных. В стране зарплату зачастую выплачивали натурой, действовала карточная система. В период, на который пришлась деятельность отдела, т. е. 1920 — 1921 гг., произошла смена политики военного коммунизма на новую экономическую политику. Однако до конца существования венгерской секции НЭП еще не успела принести свои плоды.

Лекции читались на митингах, на экскурсиях, на вокзале непосредственно перед отправкой. С этой целью создавались *агитпункты*. К 18 сентября 1920 г. агитпункты Венгерской секции агитации и пропаганды были размещены в Петрограде везде, где размещались бывшие венгерские военнопленные²²⁷ – дом №10 на Сергеевской улице (в том числе венгерский клуб им. Самуэли); Варшавский вокзал, через который проходили основные массы бывших военнопленных, возвращавшихся на родину; на о. Голодай²²⁸, где еще до революции располагался Военно-Эвакуационного госпиталь.

С целью агитации с чтением лекций проводились экскурсии (например, в Зимний дворец, дворец Юсупова, в Эрмитаж, в Русский музей, Экономический музей и даже в Петергоф)²²⁹. Также организовывались экскурсии на предприятия и советские учреждения, с целью показать их работу, чтобы военнопленные поняли преимущества советской власти.

Важным для Венгерского отдела делом было издание *печатных материалов*

---

²²⁶ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11172. Л. 2.

²²⁷ Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР. Сборник документов. Т. 1. С.356.

²²⁸ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11170. Л. 7.

²²⁹ Там же.

на венгерском языке. Темпы их были достаточно высокими: за три с половиной месяца было издано около 10.000 экземпляров различных изданий. Делом отдела была, кроме того, и раздача партийной литературы — за тот же период было распространено примерно 6.000 газет и 3.500 брошюр²³⁰. Издание газет на венгерском языке прекратилось с ликвидацией секции агитации и пропаганды в 1921 г., т.к. по сообщению Центральной венгерской группы агитации и пропаганды в Москве, в 1922 г. соответствующие газеты продолжали печататься только в Омске.

В самом начале 1921 г., секретарь Бюро Венгерской секции Я. Кальдор, вернувшись из Москвы, ознакомил Венгерскую секцию с новыми путями, по которым должна была идти агитация. Главная установка была выражена так: «чтобы технические рабочие оставались в России». Воплощаться это должно было непосредственно в агитации и в принятии мер, чтобы эти специалисты получали рабочие места²³¹.

Несмотря на название «Венгерский», отдел вел пропаганду также на румынском и немецком языках²³². Это вполне закономерно, если учесть, что на территории Венгрии (Транслейтания в Австро-Венгрии) до Трианонского договора венгры во многих ее частях являлись меньшинством.

Прочая деятельность секции

Помимо агитации среди венгерских военнопленных, Венгерская секция занималась, как было сказано выше, и другой достаточно многочисленной деятельностью. В первую очередь следует отметить такую деятельность отдела как *контроль за венгерскими офицерами-заложниками*. Офицеры в основном были настроены враждебно к революционным идеям и выступали хранителями старого армейского порядка даже в плену, даже в тот момент, когда их родное государство распадалось на части, а в пленившей их России бушевали революционные события. До прихода большевиков к власти пленные офицеры пользовались

---

²³⁰ Там же.

²³¹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10698. Л. 3.

²³² ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10700. Л. 1.

гораздо большими свободами, чем военнопленные-солдаты, жили в весьма хороших условиях, российские власти выдавали им денежное содержание. Такие «курортные», относительно их бывших подчиненных условия, им обеспечивали, во-первых, из-за желания добиться лучших условий для русских офицеров в плену, а, во-вторых, из-за определенной классовой солидарности. В целом венгерские офицеры оставались замкнутой кастой даже в русском плену, к солдатам они относились в лучшем случае как к прислуге, требуя их сохранять старую субординацию, добиваясь выделения себе денщиков из их числа и запугивая их карами, ожидающими бунтовщиков по возвращении на родину.

Советское правительство обменивало пленных венгерских офицеров на арестованных венгерских коммунистов (и некоторых членов СДПР) и их семьи. Поэтому дело охраны и контроля над офицерами было так важно. Вскоре после начала работы Венгерской секции, 1 августа 1920 г., на его общем собрании был поднят вопрос о создании *Следственной комиссии по делам заключенных офицеров-специалистов*²³³. В отношении офицеров-заложников Венгерский отдел занимался также арестом тех из них, которые были уличены в преступных действиях²³⁴, а также распределением имущества в случае их смерти²³⁵. Поскольку офицеры представляли немалый интерес для Советской России как военные и гражданские специалисты, то Венгерская секция занималась устройством на необходимые места работы венгерских офицеров-специалистов. В связи с нехваткой квалифицированных кадров, служили военные специалисты венгры также преподавателями в Венгерской Высшей Военной школе.

Пленным офицерам помогали организованные группы, которые передавали им продовольствие и «обеспечивали связь с белогвардейцами». Этот вопрос обсуждался 20 января 1921 г. на общем собрании секции агитации и пропаганды. На собрании было принято решение об уничтожении одной из таких организаций и о контроле за транспортом, прибывающим из-за границы, на котором могут

---

²³³ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11172. Л. 1.

²³⁴ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11170. Л. 6.

²³⁵ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11171. Л. 43.

прибывать шпионы, зачастую «под видом чехословацких подданных»²³⁶. Помощь офицерам-заложникам, по сведениям Венгерского отдела, оказывала также Чехословацкая секция, через которую некоторые из них получали документы, позволяющие им вернуться на родину. Для противодействия этому было решено провести расследование и тщательно проверять транспорт, обращая особое внимание на «лиц интеллигентного происхождения»²³⁷.

Венгерский отдел был настроен довольно непримиримо к противникам революции, в первую очередь к офицерам-заложникам. Однако некоторые документы дают понять, что и в самом отделе были люди, которые были настроены к ним более миролюбиво. Так, на общем собрании 7 апреля 1921 г. члена Венгерского отдела Мюллера обвинили в попытке поскорее отпустить заложников на родину. Через некоторое время Мюллера исключили из Венгерского отдела²³⁸.

Часть венгерских офицеров приняла революцию, и в отношении них руководящие организации старались поддерживать такую же законность, как и в отношении прочих работников²³⁹.

Венгерский отдел занимался также *разрешением конфликтов в отделе и в целом в среде венгерских коммунистов*, тем или иным образом связанных с Петроградом. Это говорит о том, что не все было гладко как с «революционным» настроением самих коммунистов венгров, так и с отношениями внутри Венгерской группы. Примерами такого настроения венгерских коммунистов могут служить следующие примеры. В июле 1921 г. в Барнауле был задержан бывший член партии и Венгерского агитотдела Цихиил Шустер²⁴⁰. Он обвинялся в том, что в мае 1920 г. «не вел себя как коммунист» и общее собрание поручило Бюро «принять самые энергичные меры»²⁴¹. Еще одним примером «некоммунистического» поведения является обвинение, поданное в сентябре 1920 г. из Москвы Рудзянским

²³⁶ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10698. Л. 3.

²³⁷ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10699. Л. 21.

²³⁸ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10698. Л. 14.

²³⁹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10699. Л. 21.

²⁴⁰ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10698. Л. 26.

²⁴¹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10698. Л. 20.

на 8 венгерских коммунистов, которых он обвинял в том, что они самовольно покинули фронт и, в обход Минского политотдела, получили командировку в Петроград. В вину им ставилось также то, что они отправили в московское ЦБ венгерских секций письмо, в котором сообщили, что они не намереваются далее подчиняться русским постановлениям и требуют свободного передвижения и возвращения на родину тех, кто этого желает. На собрании Венгерского агитотдела в свою защиту они сказали, что голодали. Собрание постановило исключить их из партии²⁴². Этот случай демонстрирует один из основных мотивов действия обвиняемых – их желание сохранить жизнь и здоровье²⁴³. Еще одним примером подобного поведения является донос члена Венгерской секции Треннера на члена Омской Венгерской секции Лайоша Омахера, в котором он обвинялся в том, что в 1918 г. «составил список коммунистов и угрожал неким славянским преподавателям, сторонникам революции, что донесет на них», а также в том, что он «гордился своим чином и доносил коменданту барачников о разговорах ведшихся в бараках». На собрании было постановлено исключить Омахера из партии и передать, как бывшего шпиона, Петроградской Губернской Ч.К.²⁴⁴.

Примером конфликтов внутри отдела является разбор в августе 1920 г. дела члена Венгерской секции Чермака, который обвинялся в том, что он «пытался оклеветать своих товарищей по отделу». На собрании было решено также исключить его из партии²⁴⁵.

Военнопленных венгров, пока они находились в Петрограде, ожидая отправки на родину, использовали на *общественных работах*. Это реализовалось в форме субботников и воскресников²⁴⁶. Согласно инструкции, полученной Венгерской секцией от Рудзянского в сентябре 1920 г., к работам привлекались все здоровые военнопленные возрастом до 35 лет²⁴⁷. Число принимавших участие в

²⁴² ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11172. Л. 6-7.

²⁴³ Попов Г.А. Взаимоотношение Венгерского отдела при Петроградском губкоме РКП(б) с венгерскими военнопленными в 1920–1921 гг. // Центральноевропейские исследования. 2020. №3 (12). С. 52.

²⁴⁴ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11172. Л. 6-7.

²⁴⁵ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11170. Л. 9.

²⁴⁶ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10700. Л. 3.

²⁴⁷ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 1117.2 Л. 4.

субботниках исчислялось сотнями²⁴⁸, а иногда превышало тысячу²⁴⁹. В субботниках должны были принимать участие также все не занятые агитацией работники Венгерской секции. В задачу членов секции входила также агитация по привлечению к субботникам военнопленных²⁵⁰. В отчетах собраний отдела отмечаются случаи неявки членов отдела на субботники, что говорит о вполне человеческом желании сделать свою жизнь более комфортной. На заседании было решено за три неявки исключать из членов отдела.

Занималась секция также *сбором пожертвований* для разных целей: в пользу жертв белого террора в Венгрии, для Красной Армии, на «неделю ребенка» и т.д.²⁵¹.

Важной частью работы отдела была организация обеспечения *транспортировки коммунистов, которые прибывали из Венгрии или отправлялись туда*. Прежде всего эта работа заключалась в выдаче партийных удостоверений²⁵². Поскольку удостоверения существенно расширяли возможности их владельцев и были опасения по поводу злоупотребления ими или попадания их в руки неблагонадежных лиц, то было постановлено выдавать их в крайнем случае и не на руки возвращающимся, а политическому работнику, сопровождающему транспорт²⁵³.

Эвакуацией военнопленных на родину занимался Петрозавк, однако Венгерская секция, поскольку была к этому причастна, иногда приводила в своих отчетах статистику по венграм, отправленным на родину, и прибывшим в Россию, отмечая там также выданные удостоверения и мандаты²⁵⁴. Среди прочего, предпринимались меры к защите уезжающих военнопленных от «отобрания самых малоценных вещей» при пересечении границы²⁵⁵.

Несмотря на то, что основные бои Гражданской войны закончились в 1920 г.

²⁴⁸ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10698. Л.5, Д. 111170. Л. 7.

²⁴⁹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1.1 Д. 10700. Л. 3.

²⁵⁰ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11170. Л. 1.

²⁵¹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп.11. Д. 10700. Л. 3.

²⁵² ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп.11. Д. 10701. Л. 1-4.

²⁵³ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11172 Л. 4.

²⁵⁴ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10700. Л. 4.

²⁵⁵ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10698. Л. 15.

с разгромом в Крыму Врангеля, ожидание новых вызовов сохранялось, тем более что боевые действия еще продолжались. В некоторые моменты эта напряженность обострялась, чем были затронуты и члены Венгерской секции. Так, 2 июня 1921 г. секретарь отдела Я. Ожват доложил, что «ввиду тяжелого экономического положения, которым хотят воспользоваться эсеры, меньшевики и др. противники, необходимо быть наготове. ... Все члены и кандидаты должны быть зачислены в *Отряд Особого Назначения Венгерских Коммунистов*». В отряд должны были вступить все коммунисты от 17 до 60 лет²⁵⁶. В июне в отряде насчитывалось 27 человек. Многие служили в австро-венгерской армии (как рядовыми, так и младшими офицерами) и в Красной Армии. 21 человек имел военное образование. К августу число членов отряда увеличилось до 35 человек.²⁵⁷

3.3. Деятельность организации, контролируемых Венгерской секцией агитации и пропаганды при Петроградском Губкоме РКП(б)

Венгерская партшкола

На X съезде РКП(б), прошедшем в марте 1921 г., не только был осуществлен переход к НЭПу, но и были приняты решения по улучшению партийного образования. Партийных школ должно было стать больше, их сеть должна была более полно охватить территорию страны. К преподаванию в них в обязательном порядке привлекались все ответственные работники партии.

Применительно к венгерским коммунистам в России, партшколы с преподаванием на родном языке организовывались национальными секциями. Они испытывали те же трудности военного времени, что и прочие партшколы, и могли так же легко исчезать. Венгры были одной из самых значительных групп военнопленных Первой мировой в России, но с течением времени большинство из них, даже воевавших в рядах Красной Армии, вернулось на родину.

---

²⁵⁶ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10698. Л. 20.

²⁵⁷ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 909. Л. 1-10.

В документах, отложенных в ЦГА ИПД СПб, венгерские партийные школы Петрограда упоминаются с 31 марта 1921 г. Основной деятельностью партшколы было чтение лекций для беспартийных венгров. Венгерская группа докладывала о чтении для беспартийных лекций на темы «Крах капиталистического производства» и «Централизация и концентрация капитала»²⁵⁸. Основу лекций для беспартийных составляла «Азбука коммунизма», составленная Н. Бухариным и Е. Преображенским. Эта книга, по словам ее авторов, была «элементарным курсом, который нужно проходить в партийных школах»²⁵⁹.

Другой деятельностью партшколы было чтение лекций для работников секции. 17 мая 1921 г. агитотдел доложил, что еженедельно для членов и кандидатов Венгерской секции будут проводиться занятия партшколы²⁶⁰. За более чем 3 месяца (с мая по август 1921 г.) агитотдел отчитался о проведении 18 лекций в партшколе для членов РКП (б)²⁶¹. Нужно отметить, что работники Венгерской секции недостаточно регулярно посещали этот курс, что заставило председателя совещания Ф. Ласло просить их чаще являться на занятия²⁶². Венгерские агитаторы для повышения квалификации ездили также в партийную школу в Москву²⁶³.

Широта образовательной работы, нацеленной именно на венгров, зависела от их численности и от возможности новой революции в Венгрии. К осени 1922 г. в Венгрию, потерявшую по Трианонскому договору почти 2/3 территории, вернулось примерно 80 тыс. солдат и офицеров. Венгерские власти прекратили массовое возвращение своих военнопленных, а правительство Хортистской Венгрии объявило всех (кроме удерживаемых силой, например офицеров-заложников), оставшихся в России венгров эмигрантами²⁶⁴. В результате этого отпадала необходимость в форсированном обучении отправляющихся на родину и масштабной пропаганды на венгерском языке. Оставшиеся венгры (60-70 тыс. человек на начало 1920-х гг.) постепенно вливались в советское общество, и

²⁵⁸ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10698. Л. 13.

²⁵⁹ Бухарин, Н. И. Азбука коммунизма. С.1.

²⁶⁰ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10698. Л. 24.

²⁶¹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10698. Л. 27.

²⁶² ЦГА ИПД СПб. Ф. 16 Оп. 11. Д. 10698. Л. 25.

²⁶³ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16 Оп. 11 Д. 10698. Л. 14.

²⁶⁴ Желицки, Б.Й. Венгерские эмиграционные волны. С.169.

специальная пропаганда для них требовалась все меньше и меньше. К тому же международное положение подталкивало к сокращению усилий в агитационной работе, связанной с данной группой эмигрантов.

Судя по тому, что Венгерская секция агитации и пропаганды была упразднена в 1921 г., а потребность в преподавании на венгерском языке падала, партийная школа, связанная с секцией, тоже исчезла. Это подтверждается также тем, что последнее упоминание о партшколе в документах Венгерской секции датируется августом 1921 г. В 1923 г. была основана новая партийная школа с преподаванием на венгерском языке. Она создавалась по примеру русских партийных школ, и в ней преподавался также русский язык²⁶⁵. Но этим делом занимались уже другие люди. К этому времени социально-политические условия были уже другими: вместо волн стремительно покидающих Россию бывших военнопленных, которых старались наскоро подготовить к грядущей революционной борьбе, в 1923 г. власти имели дело уже с эмигрантами, готовящимися интегрироваться в советское общество. Соответственно, цели обучения были другими и само оно не представляло большой важности для советского руководства.

Высшая Особая Венгерская военная школа

28 марта 1921 г. постановлением Центрального бюро венгерских секций агитации и пропаганды военная школа из Баку переводится в Петроград. На заседании Центрального бюро этот вопрос обсуждался 5 апреля 1921 г. Военком курсов И. Ковач доложил, что курсантов на тот момент насчитывалось 160 человек²⁶⁶.

Высшая Особая Венгерская военная школа Петрограда находилась в близком контакте с Венгерской секцией агитации и пропаганды и в значительной степени контролировалась ею. Отдел агитации и пропаганды контролировал назначение сотрудников в школу, заботился о ее делах, его сотрудники вырабатывали учебную программу школы. Преподавание в военной школе вели в основном его

²⁶⁵ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10837. Л. 1.

²⁶⁶ Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917-1922). С.427-428.

сотрудники (И. Ковач, Капитань, Ф. Сабо, Д. Бауер, Ф. Ласло и И. Еней)²⁶⁷. В начале июня 1921 г. на собрании Бюро читался доклад о положении помещения для «Высшей военной школы венгерцев». С получением желаемого помещения на Вознесенской ул. 15 имелись проблемы и для решения этого вопроса в Москву был командирован секретарь и член Бюро Я. Ожват²⁶⁸. Это показывает, насколько важна была военная школа для отдела агитации и пропаганды.

Существование такой школы объясняется уверенностью венгерских и русских коммунистов в возрождении Венгерской советской республики через очередную, скорую революцию в Венгрии. Интернационалистов, в том числе венгерских, обучали и ранее, однако их обучение предполагало их участие в гражданской войне в России, а не в Венгрии. Даже тогда, когда всех венгерских коммунистов направили в обязательном порядке на поддержку социалистической революции в Венгрии, бойцов-интернационалистов (и работников, необходимых в России) оставили в российской Красной Армии²⁶⁹. Однако, с разгромом «Русской армии» Врангеля в Крыму в 1920 г. «фронтной этап» Гражданской войны закончился, нужда в обучении воинов-интернационалистов для борьбы за Россию отпала. Обучение венгров военному делу в новых условиях стало более вопросом помощи соседнему народу и успеха мировой революции. В программе Высшей Венгерской Военной школы было написано «Подготовка для Советской Венгрии батальонных/дивизионных и полковых командиров, а также военных и политических организаторов»²⁷⁰.

В программу школы входили военные дисциплины (такие как «партизанские действия», «групповые бои», «бой за город», «уличный бой», «мероприятия по обороне против повстанцев», «задачи коменданта завоеванного города», «бой за железнодорожную линию», «переход через реки и их защита» и т. д.), а также русский язык (в основном военная терминология и переписка), венгерский язык

---

²⁶⁷ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10699. Л. 14.

²⁶⁸ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10699. Л. 12.

²⁶⁹ Там же. С. 75.

²⁷⁰ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11179. Л. 1.

(правописание), математика и география²⁷¹.

В рамках школы имелось два командных курса: высшие и низшие, на которых обучалось летом 1921 г. 150 и 115 человек соответственно²⁷².

Организационно летом 1921 г. решалось два вопроса – сокращение числа слушателей за счет «пассивно относящиеся к обучению и политически непригодных» и привлечение дополнительных лекторов. Вероятно, предстоящая нагрузка показалась членам отдела агитации и пропаганды довольно серьезной. Еще одной проблемой, с которой столкнулась военная школа, была некомпетентность некоторых ее преподавателей, что вызывало недовольство у слушателей. В качестве решения этой проблемы решено было освободить и привлечь к работе в Военной школе офицеров-заложников²⁷³.

По завершении обучения слушателей курса демобилизовывали. Далее они могли быть снова мобилизованы на партийную работу (при желании ехать в Венгрию) или могли оставаться в России. Вторая группа должна была пройти перерегистрацию в Бюро венгерской секции агитации и пропаганды. Потом они мобилизовались на «трудовой фронт» и не могли покидать окрестности Петрограда. На таком положении они должны были находиться до соответствующего приказа из Центрального Бюро венгерских групп агитации и пропаганды. Такое распределение было произведено с группой из 31 слушателя в начале августа 1921 г. Кроме того, один из демобилизованных слушателей, Пап Миклош, был направлен в распоряжение ЦБ для дальнейшего прохождения курсов при Ч.К. в Москве²⁷⁴.

Со временем Высшая Особая Венгерская военная школа укрупнялась. На заседании Бюро было принято решение о слиянии двух московских пехотных курсов с Высшей Особой Венгерской военной школой. Для разработки их программы решено было взять программу обучения соответствующих русских

---

²⁷¹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11179. Л. 1.

²⁷² Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР. Сборник документов. Т. 2. С. 450.

²⁷³ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10699. Л. 13.

²⁷⁴ Там же.

курсов, однако обучение решено было проводить только на венгерском языке.

Клуб, оркестр

Вопрос о создании *клуба* при Венгерской секции встал довольно рано. Уже 13 августа 1920 г., менее чем через месяц после первого собрания секции, Бюро ходатайствовало перед Петроградским Комитетом об учреждении клуба, а 26 августа 1920 г. уже обсуждалось его устройство и название. Клуб был назван в честь Тибора Самуэли²⁷⁵, одного из руководителей Венгерской советской республики и движения интернационалистов в России²⁷⁶. Стоит отметить, что организаторы клуба именовали его «интернациональным». То, что он оправдал это название, сомнительно, исходя уже из происхождения всех его организаторов и выбранного названия.

Клуб был дополнительным средством агитации и пропаганды, в его стенах могли читать лекции, а во дворе принимать новоприбывших²⁷⁷. Непосредственно перед отправлением военнопленных на родину в клубе организовывались митинги, приглашали оркестр²⁷⁸. Он предоставлял венграм, оказавшимся в России, возможность более широкого общения и досуга, что особенно ценно в отрыве от родины. Будучи привлекательным, он способствовал расширению агитации, представлял коммунистов в наилучшем свете. Он должен был, как об этом писали сами организаторы, наглядно показывать разницу между Советской Россией и «белой Венгрией»²⁷⁹.

Еще до открытия клуба при Венгерской секции агитации и пропаганды действовал *оркестр*, который на общем собрании Венгерской секции было решено сократить после открытия клуба им. Самуэли, а освободившихся от работы музыкантов предоставить в распоряжение Культпросвета²⁸⁰.

Оркестр находился под непосредственным контролем секции и выступал в местах агитации — на о. Голодай, в клубе им. Тибора Самуэли. Программы

²⁷⁵ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11170. Л. 6.

²⁷⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. Москва, 1983. С. 522.

²⁷⁷ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11170. Л. 9.

²⁷⁸ Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР. Сборник документов. Т. 1. С.356.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11170. Л. 8.

выступлений оркестра на концертах-митингах разрабатывались членами секции и далее передавались на рассмотрение Бюро²⁸¹.

---

²⁸¹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10699. Л. 10.

Заключение

На основе рассмотренного материала можно сделать выводы о положении военнопленных, в том числе венгерских, Петроградской губернии в период Первой мировой войны и после подписания Брестского мирного договора в марте 1918 г.

В Петроградской губернии, по сравнению с другими губерниями Российской империи, проживало в период Первой мировой войны меньше военнопленных. Объясняется это ее удаленностью от театра военных действий и политики государства. В соответствии с официальными документами (отчетами земских управ) в Петроградской губернии на начало 1917 г. проживало 5.840 военнопленных. Как отмечалось не раз, учет военнопленных нельзя признать удовлетворительным. То есть Петроградскую губернию можно отнести к губерниям, в которых военный плен не носил массового характера.

Статистика соотношения военнопленных славянского и не славянского происхождения Петроградской губернии подтверждает утверждение о преобладании в европейской части России военнопленных славян. Соответственно, военнопленных венгров также было мало. В документах их часто не выделяли, причисляя к категории «прочие».

Военнопленные в Петроградской губернии были заняты на различных видах работ – в сельском хозяйстве (в основном в крестьянском хозяйстве), на железных дорогах, в промышленности, на торфозаготовках, на лесозаготовках, на дноуглубительных работах. Стратегически важное значение в ходе войны и после нее имело строительство и ремонт железнодорожных путей. На этих работах было занято достаточно большое количество военнопленных – славян и не славян. На строительство железных дорог в Петроградскую губернию присылали также военнопленных из других губерний. Несмотря на то, что военнопленных не славян, в том числе венгров, в Петроградской губернии было мало, работали они, вероятно, в большинстве случаев именно на тяжелых работах. Именно со строительства железных дорог, а также с дноуглубительных работ совершали

побеги венгры и немцы.

Условия жизни военнопленных в Петроградской губернии зависели в основном от тех работ, на которых они были заняты. Наиболее тяжелыми условия жизни были на таких работах, как строительство железнодорожных путей, дноуглубительные работы на Приладожском канале. Плохие условия жизни на строительстве железной дороги отмечаются и в других губерниях, в частности, на Мурманской железной дороге. Не менее сложными условия жизни были и на дноуглубительных работах, где военнопленные работали в воде. К этому добавлялась плохая обеспеченность теплой одеждой и соответствующей обувью. Эти условия провоцировали заболеваемость и более высокую смертность, чем на других видах работ. И, как было сказано выше, на этих работах использовалось относительно большое количество военнопленных немцев и венгров. В целом, в Петроградской губернии была сравнительно благополучная ситуация с медицинским обслуживанием военнопленных, как во время войны, так и после нее. Касается это и оказание медицинской помощи переправляемых в Швецию сначала военнопленных калек, а потом и всех репатрируемых военнопленных.

Надзор за военнопленными в Петроградской губернии, так же, как и в других губерниях Российской Империи и Советской России, не соответствовал выработанным положениям. Его неудовлетворительность была вызвана недостатком охранников, непродуманностью методов борьбы с побегами, саботажем. В целом, надзор был мягче, чем предписывалось. Побегии облегчались близостью границы с Финляндией и легкостью ее прохождения. Побегии совершали в основном военнопленные не славяне, в том числе венгры. Переходили финскую границу также военнопленные, совершившие побегии в других губерниях. С этим пытались бороться. Однако после революционных событий 1917 г. побегии участились, а надзор еще более ослаб. Отличительной чертой послереволюционного времени стало участвовавшие побегии офицеров, поскольку даже после заключения Брестского мира в марте 1918 г. офицеры оставались в Советской России в качестве заложников. Венгерским офицерам помогали

организованные группы в подготовке документов и других необходимых вещей для побега. Этот вопрос не раз обсуждался на заседаниях Бюро Венгерской секции при Петроградском Губкоме РКП(б), выработывались методы противодействия данным нарушениям.

Часть военнопленных Первой мировой войны сотрудничала с властями. Проявлялось это во вступлении в интернациональные воинские соединения для защиты Советской России. После революционных событий 1917 г. в Петрограде был образован Отряд Особого Назначения Венгерских Коммунистов, в который должны были войти все или большая часть коммунистов Петрограда, в том числе коммунисты Венгерской секции при Петроградском Губкоме РКП(б). Подавляющая часть членов секции были бывшими военнопленными, служили рядовыми и офицерами. Проявлялось сотрудничество также в согласии работать на Советскую Россию. Кроме членов Венгерской секции, которые до вступления в нее уже были коммунистами, сотрудничали с властями также и офицеры австро-венгерской армии. В Советской России не хватало специалистов, как гражданских, так и военных. Поэтому их приглашали и на предприятия, и на преподавательскую работу, в частности, в Высшую Особую Венгерскую военную школу. Объяснялось это, видимо, необходимостью выживания в крайне неблагоприятных условиях голода, репрессий.

Революционные события октября 1917 г. изменили положение военнопленных. Часть из них, коммунисты, стали легально образовывать национальные секции РКП(б) и другие национальные организации. Другие ждали репатриации на родину. Петроград был пересылочным пунктом, поэтому в нем всегда было много военнопленных, которые задерживались в городе на 1 – 2 недели. За это время среди них необходимо было провести агитационную работу. Такая работа была очень важна среди возвращающихся на родину венгров. Венгерская секция агитации и пропаганды при Петроградском Губкоме РКП(б), образованная в середине 1920 г., проводила агитационную работу в виде лекций, митингов и других мероприятий. Венгерская секция старалась следовать

постановлениям, направленным на организацию деятельности национальных секций. Однако, как и в любом коллективе, в секции существовали проблемы, «некоммунистические» мнения, что выражалось в ряде случаев в саботировании мероприятий и даже несогласии с основной линией секции, а следовательно, с линией РКП(б).

Характерно, что не раз на заседаниях секции поднимался вопрос о недостаточном количестве работников секции, которые должны были проводить агитационную работу. Возможно поэтому данная работа и не проводилась в достаточной мере, и меньшее, чем предполагалось, количество возвратившихся на родину венгров восприняло коммунистическую пропаганду. В основном это были простые люди – крестьяне, рабочие, служащие, которые хотели вернуться на родину и жить спокойно без войн и революций. Революция в Венгрии так и не победила, период массовой репатриации военнопленных, в том числе венгров, закончился, и необходимость в агитации снизилась. Поэтому Венгерскую секцию, как и некоторые другие национальные секции при Петроградском Губкоме РКП(б), ликвидировали в конце 1921 г. После этого судьба оставшихся в Советской России венгров сложилась по-разному. Часть из них влилась в советское общество, другая часть – коммунистическая верхушка была репрессирована.

Список использованных источников и литературы

Источники

Архивные источники

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб)

1. ЦГА СПб. Ф. Р-5846 (134-й Петроградский тыловой распределительный пункт. Петроград. 1917–1918). Оп. 1. Д. 27, Д. 118.
2. ЦГА СПб. Ф. Р-8921 (Петроградская коллегия Совета австро-венгерских рабочих и солдатских депутатов в России. Петроград. 1920–1921) Оп. 1. Д. 3.
3. ЦГА СПб. Ф. Р-8922 (Петроградское представительство Федерации иностранных советов в России. Петроград. 1920–1921). Оп. 1. Д. 10.

Центральный государственный исторический архив

Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)

4. ЦГИА СПб. Ф. 253. (Канцелярия петроградского губернатора. Петроград. 1780–1917). Оп. 2. Д. 1269.
5. ЦГИА СПб. Ф. 253. (Канцелярия Петроградского губернатора. Петроград. 1780–1917). Оп. 3. Д. 4276.
6. ЦГИА СПб. Ф. 253 (Канцелярия Петроградского губернатора. Петроград. 1780–1917). Оп. 10. Д. 494, Д. 501, Д. 504, Д.580, Д. 595, Д. 599, Д. 619, Д. 620, Д. 621, Д. 622.
7. ЦГИА СПб. Ф. 254. (Петроградское губернское правление. Петроград. 1780–1917). Оп. 1. Д. 13147.
8. ЦГИА СПб. Ф. 378. (Германское благотворительное общество. Санкт-Петербург. 1842–1914). Оп. 1. Д. 39.
9. ЦГИА СПб. Ф. 569 (Управление Петроградского градоначальника и

столичной полиции. Петроград. 1871–1917). Оп. 10. Д. 440.

10. ЦГИА СПб. Ф. 866 (Лужское лесничество. Лужский уезд, Петроградская губерния. 1826–1916). Оп. 3. Д. 13.

11. ЦГИА СПб. Ф. 921 (Правление Петроградского округа путей сообщения. Петроград. 1809–1918). Оп. 86. Д. 18.

12. ЦГИА СПб. Ф. 921 (Правление Петроградского округа путей сообщения. Петроград. 1809–1918). Оп. 92. Д. 868.

13. ЦГИА СПб. Ф. 921 (Правление Петроградского округа путей сообщения. Петроград. 1809–1918). Оп. 95. Д. 151, Д. 2696.

14. ЦГИА СПб. Ф. 1205 (Управление Петроградского уездного округа. Петроград. 1797–1917). Оп. 7. Д. 670, Д. 671, Д. 887-889.

15. ЦГИА СПб. Ф. 1280 (Управление по постройке железнодорожных линий Гостинополье–Чудово, Волхов–Рыбинск. Петроград. 1914–1916). Оп. 1. Д. 110.

16. ЦГИА СПб. Ф. 1374 (Управление Северо-Западных железных дорог. Петроград. 1907–1917). Оп. 1. Д. 847.

17. ЦГИА СПб. Ф. 1464 (Управление по постройке железнодорожной линии Петроград – Орел. Петроград. 1914–1918). Оп. 1. Д. 44, Д. 218, Д. 427, Д. 632, Д. 805, Д. 824, Д. 829.

18. ЦГИА СПб. Ф. 1483 (Российское акционерное общество оптического и механического производств. Петроград. 1912–1918). Оп. 1. Д. 35.

19. ЦГИА СПб. Ф. 1697. (Царскосельское уездное полицейское управление. Царское Село. 1862–1917). Оп. 1. Д. 151, Д. 191.

20. ЦГИА СПб. Ф. 2214. (Канцелярия уполномоченного по продовольственному делу Петроградской губернии. Петроград. 1915–1918). Оп. 1. Д. 18, Д. 21, Д. 42, Д. 46.

Центральный государственный архив

историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб)

21. ЦГА ИПД СПб. Ф.16 (Ленинградский губернский комитет ВКП(б). 1917–1927). Оп. 1. Д. 909, 969.

22. ЦГА ИПД СПб. Ф.16 (Ленинградский губернский комитет ВКП(б). 1917–1927). Оп. 11. Д. 10676, Д. 10698, Д. 10699, Д. 10700, Д. 10701, Д. 10837, Д. 11169, Д. 11170, Д. 11171, Д. 11172, Д. 11179.

23. ЦГА ИПД СПб. Ф.1810 (Коллектив РКП(б) Федерации Иностранных Советов, 1-й городской район, Петроград). Оп. 1. Д. 4.

24. ЦГА ИПД СПб. Ф.4000 (Ленинградский институт историко-политических исследований, Смольнинский район, Ленинград – Санкт-Петербург). Оп. 19. Д. 324.

Опубликованные документальные издания

25. Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917-1922). Документы и материалы. Сборник 1 / ред. Г. В. Шумейко. – Москва : Советская Россия, 1957. – 574 с.

26. Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР. Сборник документов / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Т. 1. – Москва : Издательство политической литературы, 1968. – 511 с.

27. Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР. Участие венгерских интернационалистов в защите Советской власти на фронтах Гражданской войны в СССР. Сборник документов / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Т. 2. – Москва : Издательство политической литературы, 1968. – 515 с.

28. Документы внешней политики СССР. Т. 1. 7 ноября 1917 — 31 декабря 1918 г. / А. А. Громыко [и др.]; Министерство иностранных дел СССР. – Москва : Государственное издательство Политической литературы, 1959. – 772 с.

29. Россия в мировой войне 1914 – 1918 года (в цифрах). Москва : [Б. и.],

1925. – 103 с. – URL: <https://elibrshpl.ru/ru/nodes/14264-rossiya-v-mirovoy-voynе-1914-1918-goda-v-tsifrah-m-1925> (дата обращения: 25.02.2023).

30. Сборник материалов Петроградского комитета РКП(б). Вып. 2. Июль – Декабрь 1920 г.: Петроград : Изд. Петерб. ком. РКП, 1921. – 120 с. – URL: https://archive.org/details/sbornik_materialov_peterburgskogo_komiteta_rkp_ii_1920 (дата обращения 20.04.2023).

Источники личного происхождения

31. Марек, М. Моя служба в Красной Армии / М. Марек // Милитера Военная история : [сайт]. – URL: http://militera.lib.ru/memo/other/sb_bylye_pohody/15.html (дата обращения: 12.02.2023).

32. Петраш, А. В интернациональном отряде Сибири // Милитера Военная история : [сайт]. – URL: http://militera.lib.ru/memo/other/sb_bylye_pohody/09.html (дата обращения: 15.03.2023).

Труды государственных и партийных деятелей

33. Бухарин Н. И. Азбука коммунизма / Н. И. Бухарин, Е. Преображенский : Российская коммунистическая партия большевиков. – Москва : Гос. изд-во, 1919. – 340 с.

Литература

34. Абдрашитов, Э. Е. Восприятие крестьянским сообществом немецких и австро-венгерских военнопленных в 1914 г. (на примере Казанской губернии) / Э. Е. Абдрашитов. // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2014. – № 3. – С. 62-68.

35. Абдрашитов, Э. Е. Общественное мнение и гуманитарная помощь военнопленным стран Тройственного союза в 1914-1915 гг. на территории Поволжья / Э. Е. Абдрашитов // Дискуссия. – 2013. – № 10. – С. 180-182.

36. Алекминская, Г. М. О работе национальных секций Забайкальского губернского комитета РКП(б) в 1920 – 1922 гг. / Г. М. Алекминская // Молодой ученый. – 2016. – №16 (96). – С. 346-348.

37. Ананьев, В. И. Зарубежные интернационалисты в органах и войсках ВЧК / В. И. Ананьев // Блокнот агитатора. – 1987. – № 2.

38. Ананьев, В. И. Иностранцы советы рабочих и крестьян в Советской России (1918 — 1921 гг.) / В. И. Ананьев // Новая и Новейшая история. – 1967. – № 5.

39. Ананьев, В. И. Положение иностранных военнопленных и их участие в революционном движении в России / В. И. Ананьев // Некоторые вопросы всеобщей истории. – Вып. 1. – Челябинск : Челяб. гос. пед. ин-т, 1965. – 177 с.

40. Белова, И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. / И. Б. Белова ; Российская ассоц. историков Первой мировой войны, Ассоц. исследователей российского о-ва (АИРО-XXI). – Москва : АИРО-XXI, 2014. – 431 с. – ISBN 978-5-91022-272-8.

41. Вавилова С. В. Национальные секции РКП(б) в Тамбовской губернии в 1918–1921 гг. / С. В. Вавилова ; ТОГБУ ГАСПИТО: [сайт]. – URL: <https://gaspito.ru/index.php/materials/publications/articles/1002-national-sections?ysclid=lh9o5ikkcm1638510> (дата обращения: 16.02.2023)

42. Васильева, С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03, 07.00.02 / Васильева Светлана Николаевна ; науч. рук. И. Г. Жиряков ; Моск. гос. открытый пед. ун-т. – Москва, 1998. – 24 с.

43. Васильева, С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны : учебное пособие к спецкурсу / С. Н. Васильева ; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Моск. гос. открытый пед. ун-т. –

Москва : Ред.-изд. центр МГОПУ, 1999. – 133 с. – ISBN 5-8288-0287-9.

44. Ватлин, А. Ю. Рецензия на книгу: Лейдингер Х., Мориц В. Плен, революция. Возвращение домой. Значение проблемы военнопленных для истории коммунизма в Центральной и Восточной Европе в 1917–19120 гг. – Вена, 2003 / А. Ю. Ватлин // ОИ. – 2005. – №4. – С. 183-184.

45. Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917-1922 гг : К истории советско-венгерских интернациональных связей / отв. ред. П.-Ж. Пах ; АН СССР, Ин-т истории. – Москва : Наука, 1980. – 300 с.

46. Веселов, М. В. Военно-политическая деятельность И.С. Уншлихта (1918 — 1930 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. В. Веселов ; науч. рук. А. И. Гончаренко ; Военно-политическая академия. – Москва, 1991. – 23 с.

47. Гергилева, А. И. «Многие миллионы людей были вырваны войной из привычной для них обстановки». Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой Войны на территории России / А. И. Гергилева // ВИЖ. – 2013. – №2. – С. 54-60.

48. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов. – Москва : Советская энциклопедия, 1983. – 704 с.

49. Данилов, В.А. Интернационалисты на Урале и в Сибири / В. А. Данилов. – Свердловск : Средне-Урал. кн. изд-во, 1972. – 150 с.

50. Дьени, Г. Русская революция и Венгрия / Г. Дьени // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2017. – Т.19, №3 (166). – С. 120-127.

51. Еремин, И. А. Военнопленные Первой мировой войны в Западной Сибири / И. А. Еремин // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. Т. 310, № 1. – С. 259-263.

52. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. /Сост. Н. М. Жданов. – Москва : [Б. и.], 1920. – 376 с.

53. Желицки, Б. Й. Венгерские эмиграционные волны и эмигранты: середина XIX – конец 50-х годов XX века / Б. Й. Желицки, Ч. Б. Желицки ; РАН, Ин-т славяноведения. – Москва : «Индрик», 2012. – 594 с. – ISBN 978-5-91674-205-

3.

54. Желицки, Б. Й. Исторические портреты. Бела Кун / Б. Й. Желицки // Вопросы истории. – 1989. – №1. – С. 58-81.

55. Еремин, И. А. Военнопленные Первой мировой войны в Западной Сибири / И. А. Еремин // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. – 2007. – Т. 310, № 1. – С. 259-262.

56. Захаров, А. В. Военнопленные Первой мировой войны в сельском хозяйстве Поволжья / А. В. Захаров // Власть. – 2014. – С. 169-173.

57. Иконникова, Т. Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914 — 1918 гг.) /Т. Я. Иконникова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Хабар. гос. пед. ун-т». – Хабаровск : Изд-во ГОУ ВПО «Хабар. гос. пед. ун-т», 2004. – 177 с. – ISBN 5-87155-203-Х

58. Калякина, А. В. Использование труда военнопленных в Саратовской губернии в 1914-1917 годах / А. В. Калякина // Известия Саратовского университета. – 2013. – Т. 13, вып. 2. – С. 99-101.

59. Канаев, И.Н. Русская контрразведка и военнопленные в период Первой мировой войны 1914 — 1918 гг. / И. Н. Канаев, А. В. Кондратьев, П. П. Щербинин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Вып. 12. – С. 349-353.

60. Кладт, А. П. Братья по оружию: Венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в России. 1917-1922 / А. П. Кладт, В. А. Кондратьев. – Москва : Соцэкзит, 1960. – 224 с.

61. Колмогоров, Н. С. Красные мадьяры (венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Омске 1917-1919 гг.) / Н. С. Колмогоров. – Новосибирск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1970. – 134 с.

62. Кондратьев, А.В. Военнопленные и провинциальное общество Российской империи в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. / А. В. Кондратьев, П. П. Щербинин // Вестник Тамбовского университета. Серия:

Гуманитарные науки. – 2009. – С. 354-357.

63. Кротт, И. И. Использование труда военнопленных в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в годы Первой мировой войны / И. И. Кротт // Омский научный вестник. – 2012. – № 4. – С. 24-28.

64. Кугуелов, А. Г. Проблема военнопленных в годы Первой мировой войны / А. Г. Кугуелов // Запад-Восток. – 2018. – № 1. – С. 91-99.

65. Кун, Б. Практический интернационализм / Б. Кун // Октябрьский переворот и диктатура пролетариата — Москва : Гос. изд-во, 1919. – С. 314-324.

66. Кунгурова, М. Ю. Вклад военнопленных в культурное развитие г. Омска в годы Первой мировой войны / М. Ю. Кунгурова // Известия Лаборатории древних технологий. – 2015. – № 2. – С. 86-89.

67. Любин, В. П. Рецензия на книгу: Росси М. Пленники царя: итальянские солдаты австро-венгерской армии в лагерях России (1914–1918 гг.) / В. П. Любин // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – М., 1999. – № 4. – С. 127-131.

68. Лямзаев, С. В. Участие военнопленных Германии и Австро-Венгрии в модернизации речной инфраструктуры Нижнего Дона (1914-1918 годы) / С. В. Лямзаев // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2011. – № 4. – С. 29-34.

69. Медведев, Б. Б. Октябрьская революция и иностранные интернационалисты в России / Б. Б. Медведев // 40 лет Великой Октябрьской социалистической революции. – Москва, 1957. – С. 407-434.

70. Морозов, Г. С. Проблема русского плена Первой мировой войны в современной отечественной историографии / Г. С. Морозов // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2015. – № 4. – С. 24-30.

71. Мулюков, М.А. Мулланур Вахитов. Жизнь и деятельность пламенного революционера-ленинца / М. А. Мулюков, И. Р. Тагиров. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1985. – 269 с.

72. Нахтигаль, Р. Мурманская железная дорога, 1915 — 1919 годы: военная необходимость и экономические соображения / Р. Нахтигаль. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2011. — 318 с. — ISBN 978-5-98187-882-4.

73. Нахтигаль, Р. Военнопленные в эпоху Первой мировой войны / Р. Нахтигаль // *Quaestio Rossica*. — 2014. — №1. — С. 142 — 156.

74. Нечаева, Э.П. Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию вражеских военнопленных Центральных держав в 1918 — 1920 гг. / Э. П. Нечаева, С. В. Лифшиц. — Куйбышев, 1982.

75. Нигматов, В.В. Жизнь военнопленных в годы Первой мировой войны на территории Воронежской губернии / В.В. Нигматов // *Воронежский вестник архивиста: Национально-информационный бюллетень*. — Вып. 2. — Воронеж. — 2004. — С. 100-108.

76. Ниманов, Б. И. Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны / Б. И. Ниманов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. — 2009. — № 2. — С. 53-61.

77. Поликарпов, В. В. Военнопленные в лагерях под Ижевском 1915–1916 гг. / В. В. Поликарпов // *Вопросы Истории*. — 2007. — №2. — С. 94-105.

78. Попов Г. А. Взаимоотношение Венгерского отдела при Петроградском губкоме РКП(б) с венгерскими военнопленными в 1920– 1921 гг. / Г. А. Попов // *Центральноевропейские исследования*. — 2020. — №3 (12). — С. 32-53. — ISSN 2619-0877.

79. Посвятенко, О. Н. Факторы, обуславливающие необходимость усиления политического воспитания военнослужащих Красной Армии в 1918-1923 гг. / О.Н. Посвятенко // *Известия Самарского научного центра РАН*. — Т. 12, № 12. — 2010. — С. 119-123.

80. Птицын, А. Н. Венгерские переселенцы в Российской империи / А. Н. Птицын // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. — 2013. — №8-1. — С. 257-268.

81. Рокина, Г. В. Австро-венгерские пленные Первой мировой войны в

уездных городах Казанской губернии / Г. В. Рокина // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2017. – Т. 3, № 1. – С. 12-20.

82. Самович, А. Л. Содержание и трудовое использование военнопленных на территории Белоруссии в годы Первой и Второй мировых войн / А. Л. Самович // Вестник военного университета. – 2010. – № 3. – С. 96-101.

83. Семенов, В. Г. Военнопленные в Оренбургской губернии / В. Г. Семенов // Этнопанорама. – 2001. – №2. – С. 70-71.

84. Сенявская, Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки / Е. С. Сенявская ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – Москва : Изд. центр ИРИ, 1997. – 226 с. – ISBN 5-201-00635-3.

85. Смирнов, Ю. И. Граждане зарубежных стран в Советской России и их деятельность в 1918–1920 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Смирнов Юрий Игоревич ; науч. рук. В. М. Устинов ; РЭА им. Г. В. Плеханова: [сайт]. – Москва, 1999. – 231 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/grazhdane-zarubezhnykh-stran-v-sovetskoi-rossii-i-ikh-deyatelnost-v-1918-1920-gg> (дата обращения: 15.02.2023)

86. Смирнов, Ю. И. Военнопленные на территории России в годы Первой мировой войны / Ю. И. Смирнов, М. И. Скрипникова // Вестник МИЭП. – 2016. – № 1. – С. 135-139.

87. Соза, Л. Н. Военнопленные австро-венгерской и германской армий на территории Броницкого уезда Московской губернии (1916 — 1917 гг.) / Л. Н. Соза // Манускрипт. – 2017. – Ч. 2, № 3. – С. 166-171.

88. Солнцева, С.А. Военный плен в годы первой мировой войны (новые факты) / С. А. Солнцева // Вопросы Истории. – 2000. – № 4-5. – С. 98-105.

89. Солнцева, С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март-октябрь) / С. А. Солнцева // Вопросы Истории. – 2002. – № 1. – С. 143-149.

90. Суржикова, Н. В. Военнопленные Первой мировой войны на Урале. К реконструкции коллективного портрета / Н. В. Суржикова // Вестник Пермского

университета. Серия: История. – 2011. – № 3 (17). – С. 57-64.

91. Суржикова, Н. В. Военный плен в Российской провинции (1914 — 1922 гг.): дис. ... д-ра. ист. наук : 07.00.02 / Суржикова Наталья Викторовна ; Ин-т истории и археологии Уральского отделения РАН: [сайт]. – Екатеринбург, 2015. – 564 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/voennyi-plen-v-rossiiskoi-provintsii-19141922?ysclid=lfh929zi8f454918954> (дата обращения 18.03.2023)

92. Суржикова, Н. В. Перепись военнопленных Первой мировой войны в России: причины, условия, итоги (по материалам Пермской губернии) / Н. В. Суржикова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – №3. – С. 23-27.

93. Суржикова, Н. В. Российский плен 1914-1917 гг.: проблема институциональной атрибуции // Н. В. Суржикова / Идеи и идеалы. – 2014. – Т. 2, № 3. – С. 5-12.

94. Талапин, А. Н. Военнопленные Первой мировой войны в дореволюционном Кургане / А. Н. Талапин // Омский научный вестник. 2009. – № 5 (81). – С. 20-22.

95. Талапин, А. Н. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири в период Первой мировой войны и репатриации / А. Н. Талапин // Вестник Омского университета. – 2013. – № 3 (69). – С. 81-83.

96. Тимофеева, Е. Г. Иностранцы военнопленные на территории Астраханской губернии в годы Первой мировой войны и российской революции / Е. Г. Тимофеева, С. В. Лебедев, Е. Ю. Болотова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 6.a – С. 110-121.

97. Тихонов, А.В. Условия содержания иностранных военнопленных в годы Первой мировой войны на примере Калужской и Тульской губерний / А. А. Тихонов // Вестник Пермского университета. – 2016. – Вып. 2. – С. 60-69.

98. Тюрин, А. О. Охрана и надзор за военнопленными в Астраханском крае в годы мировых войн / А. О. Тюрин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 9-10 (113). – С. 179-187.

99. Федорова, Т. В. Проблема социально-бытовых условий содержания австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири во время Первой мировой войны / Т. В. Федорова // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. Т. 2, № 4 (84) – С. 232-236.

100. Цветков, В.Ж. Мятеж. Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны / В. Ж. Цветков // Родина. – 2001. – № 6. – С. 55-61.

101. Шапкин, Ю. Г. Жизнь и быт военнопленных в лагерях Восточной Сибири в годы Первой мировой войны / Шапкин Ю.Г., Дмитриченко А.А., Пономарева Г.О. // Известия Лаборатории древних технологий. – 2014. – № 2. – С. 50-53.

102. Шарапов, Я. Ш. Национальные секции РКП(б) / Я. Ш. Шарапов. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1967. – 273 с.

103. Щеров, И.П. Военная миграция в России 1914 — 1922: автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02 / Щеров Иван Петрович ; Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 2001. – 32 с.

104. Щеров, И.П. Организация и деятельность коллегий по делам пленных и беженцев в Смоленском крае (1914 — 1921 гг.): автореф. дис. канд. ... ист. наук : 07.00.02 / Щеров Иван Петрович ; Смоленский областной ин-т усовер. врачей. – Москва, 1998. – 14 с.

105. Deutsche R. Din lupto pentru apararea revolutiei ruse (1917) // Analele Institutului de istorie a partidului de Jnga CC al PMR. – 1956. – № 6.

106. Milei Gy. A szovjet ozosorsragi magyar Kommimista hadifogoli mozgalom eszmei arculatanak nehany kerdese // Parttorteneti Kolemnyek. – 1956. – № 3.

107. Volgyes I. Hungarian prisoners of war in Russia, 1916 – 1919 / I. Vogyes // Cahiers du monde russe et sovietique, 1973. – Vol. 14, № 1-2, Janvier-Juin. – P. 54-85

Санкт-Петербурга